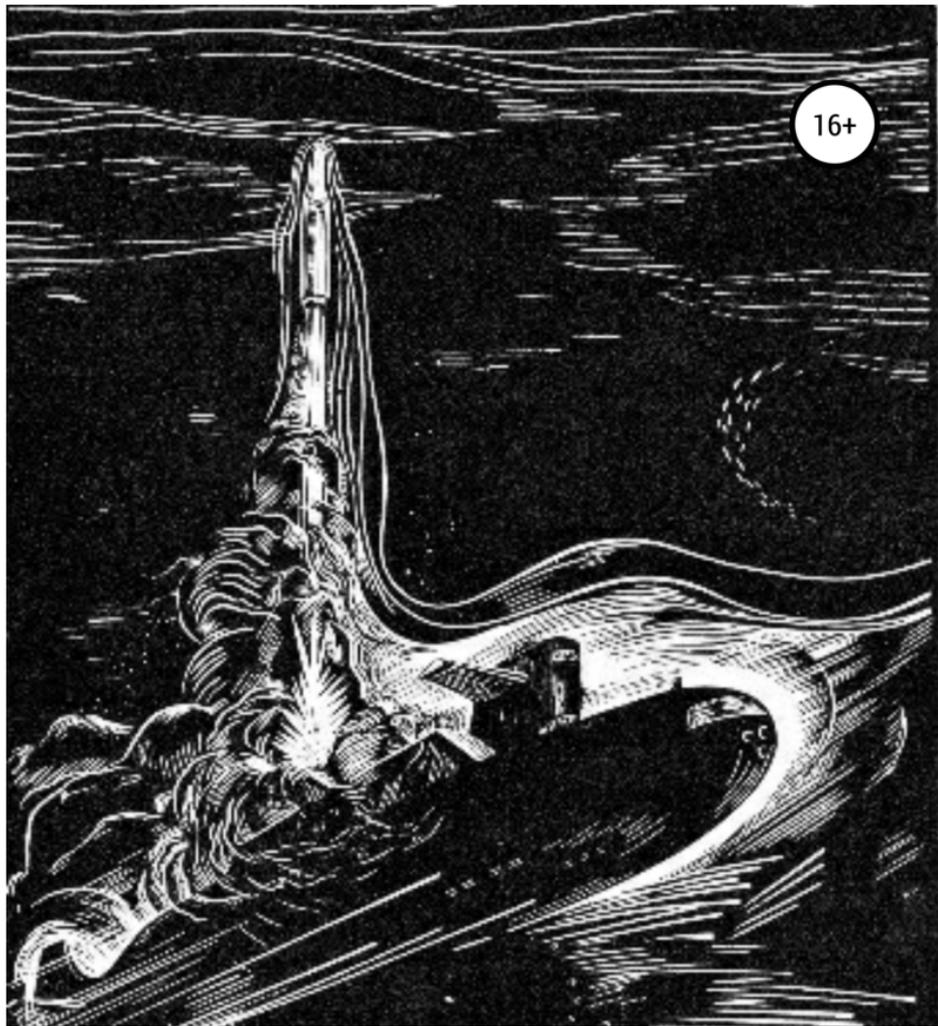

16+

Игнатий Белозерцев

ИЗ ГЛУБИНЫ

Игнатий Александрович Белозерцев

Из глубины

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36968116

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-11286-5

Аннотация

Наиболее ценным в содержании предлагаемой книги являются стихи о подводном флоте, о его людях. Судьба, мысли и переживания лирического героя являются документами, которым веришь, они дают возможность «сухопутному» читателю глубже понять и прочувствовать этих «особых» людей – подводников. Поэт как бы открывает широкому читателю новый, неведомый для него мир. Но это – не единственное достоинство книги. Взгляд на жизнь из глубины океанов, из прочного корпуса атомной подводной лодки не менее интересен.

Содержание

На речке	13
В бору	15
Покрова	16
Распрямляется душа	17
Подильная	19
У мамы	20
В шалаше	21
Холодный дождик	22
Грибной дождик	23
Королева леса	24
Зимой в Заполярье	25
Весна в Заполярье	27
Окна школы	28
Привет, Никольск!	30
Вы поверьте, васильками...	31
Когда отпустит суета	32
В полярной ночи	33
На озере каток	34
Осина	35
Живая вода	36
Весенний ливень	38
Пустует милое крылечко	39
Босиком по теплым лужам	40

Лесное озеро	41
Пришла зима	42
Вологодское масло	43
Слово вологодское	44
Осенью	45
За окном щебечут воробьи	46
Как хорош дремучий лес	47
Зимних окон витражи	48
Лучший город земли	50
Отпусти меня, вокзал	52
Не верю в безымянные высоты	53
Дорогой Рубцова	55
Русь возвращается!	57
Москва – Мурманск	58
Урановая музыка глубин	60
Уходим	62
Автономка	65
Отклонение – ноль	69
Торпедная атака	72
Слежение	75
Возвращение	78
На срочном погружении	80
Точка на карте	81
Полгода мы без солнца...	83
В шинели черной	84
Когда в отсеки хлынула вода	85

За несбежавших с кораблей	87
Подводный стадион	88
7 апреля	89
Возьмите меня в автономку	91
Я всё ещё живу в восьмидесятых	92
Долина смерти – Долина славы!	93
Гарнизоны флота	94
Сопка Бегемот	95
Под северным сиянием	97
Судьбы причал	98
Простите, сыновья	100
Первопроходцы	101
За флот!	103
Аварийная тревога	105
Кричала чайка	106
Море подводника	107
В Лице все родные лица	108
Борису Орлову	110
Атомная Лица	111
Спасибо, Владивосток!	112
У картины	113
Честь по-вологодски	114
Тогда погиб из всех один	116
У боевого командира	118
Западной Лицей нельзя не гордиться	119
Медвежий там, Чайчий, Витте	121

За рыцарей глубин!	122
Разлука	123
Сдаёт Россия города	124
Спасибо, Западная Лица!	125
Ветер, тучи, море...	126
Отдалённый гарнизон	127
Чистые озёра	129
О вечности	131
Смотр	132
Попирающим металл	134
Реквием экипажу	137
На океанском направлении	138
Хозяева глубин	143
Нарком Кузнецов	145
Как Оля Диме	147
Прощайте, Западная Лица!	148
Подводники – народ особый	149
По Кольскому краю	150
Вот и прошла, отшумела штормами моя одиссея	154
Могильщик	155
Победившие смерть	157
На причале разлуки	159
Выпускникам	160
Мы «мама» лепечем впервые...	162
Василий, запиши меня в ЛИТО	164
Эх, получить бы направление...	166

Друзья мои, стихи, спасибо, что случились	168
Как много нас – играющих в слова	169
Поэтов узнают по чудесам	170
За полёт души	171
Явись!	172
Памятник поэту	175
Поэзии ручьи	177
Прошу друзей	178
Пустынник	179
Поэт-юродивый	180
Село асфальтом тянется к парому	181
На речке Толшма	183
Ключ к поэзии	184
Великий Устюг – наш Китеж-Град	185
Северных увалов Эвересты	186
Саров	187
Город первой любви	188
Москвичка	190
Утоли моя печали	191
Перламутровые края	193
Прилуки	194
Золотая ты моя	196
Поэзии таинственная сила	197
Храмы России	198
За доброту, терпение, участие!	200
У поэтов нет секретов	201

Я верю	202
Фамильный город	203
Крещение	204
За земляков	205
Русский лес	206
Моему поколению	208
На паперти	209
Была бы любовь	211
Лермонтов	212
Завет	213
Постоим же за Россию!	215
Взгляд подросших сыновей	217
Дума	219
За деньги можно все купить...	221
Послушайте, все это было!	223
Камчатка	225
Мертвящее мерцанье монитора	226
Пожелание	227
Молчит мобильник	228
Совершенство	229
В объятиях любви	230
Я буду жить	231
Над синей далью	232
И ночь, и звёзды, и Луна	233
Лучший из снов	234
Октябрьское поле	235

Скажи еще раз те слова	236
Мелькают скорые года	238
Про берёзу	239
Россия – купола, колокола!	240
Напиши	241
Трава забвения	243
Пока грустит прекрасная Елена	244
Отдайте ветру	245
Четвёртый	246
Домой	247
Все таланты проданы	250
Да будет так!	251
Уж верьте иль не верьте	252
Зачем тебя мне узнавать	254
Белокаменная сказка	255
За волоком	256
Острог на Староконюшенном	257
Происшествие в метро	258
Отмените весну	260
Печаль	262
Горящее лето 10-го года	263
Модернизация	264
Виртуальные девочки	265
Ничего не член	266
Про ворону	267
Бабье лето, парк Кузьминки	268

Вечер на Москве реке	269
Женский день	270
Когда Москва под бой своих курантов...	271
Ё-моё!	272
Голограмма	273
Как-то предстоит умереть?	276
Еще играю в эти игры	277
У нулевого километра	278
8 марта	279
Запросите меня	280
Возрождение...	281
Как диктует душа	282
Девочка под ёлкой	283
Сыну	284
До свидания, школа!	286
Под новый год	289
Землякам	290
Довольно!	292
Пора на юг	293
Все истины проверить на себе	295
Телескоп воображения	296
Легендарный снег	297
Пока целует родники поэт	298
Тверской бульвар	300
Немой заговорил	301
Поздно быть мне...	302

В полёте	304
Домовёнок	306
Над вечным покоем	307
Марьино	308
Моя премия	310
Того, что нет, не выплеснешь	311
Побег	312
Образ мира	313
Туда, где пальмы	315
Новогоднее	316
Купавна	318
Как трудно быть трезвым	319
Облака	321
Нельзя писать ни для кого	323
Осень	325
О, женщина – начало всех начал!	326
Свет на пятом этаже	327
Акrostих	328
Наташе	329
Любовь, мечта, Бородино	330
На Сретенском бульваре мы не встретились	332
О, любви волшебный дар	333
Липа на Воздвиженке	335
Виртуальная любовь	336
Признание	338
И только так!	340

Травинка, одолевшая гранит	341
Мы никогда не будем друг для друга	343
Мой секрет	344
Царствуй, бешеная моя!	345
Бешеная тчк моя	346
Бегущей по волнам	347
Парки	348
Мы все покинем...	349

Игнатий Белозерцев

Из глубины

На речке

Чем же пахнет речной песок?
Летом, солнцем, травой, стрекозами,
Пахнет зноем лесных дорог,
Пескарями у пальцев ног,
Облаками вверху и грозами.
Пахнет чистой речной водой,
Окунями, ершами, раками,
Убегающей в луг тропой,
Собирающей мед пчелой,
Васильками, кувшинками, маками,
Деревенским парным молоком,
Чердаком, воробьями, лукошками,
Мягким сеном и сладким сном,
И крапивой, и лопухом,
И черемухой под окошками.
Пахнет радугой дождевой,
Клеверами, отавой, осокою...
А еще он пахнет мечтой,
Словно жизнь впереди, – большой,

Словно синее небо, – высокою.

В бору

Россия лесами богата.
Лопатою гриву зовут.
Бруснику гребут там лопатой.
И грузди с лопату растут.
Обрывистый глиняный берег.
За речкой – таежной простор.
Ты в рай на Земле будешь верить,
Однажды войдя в этот бор!
Янтарные сосен колонны.
Ковры дорогие лежат.
Привольно мне в залах зеленых
С корзиной брести наугад.
Как будто бы воду живую
Плеснули на душу мою.
Осеннего воздуха струи
Я грудью распахнутой пью.
– Спасибо! – сорвется невольно.
И кто-то услышит меня!
Без шапки стою богомольно
Под сводами светлого дня.

Покрова

Покрова, какое чудо!
Я шепчу любви слова.
Так внезапно, ниоткуда
Праздник в сердце – Покрова.
Подморозило сначала,
А потом как на заказ
Стелет белым покрывалом
Землю голую тотчас.
Стало вдруг светло и ясно,
И припомнилась молва —
Жизнь устроится прекрасно,
Если снег на Покрова.
Покрова, какое чудо!
Воскресил любви слова
Так внезапно, ниоткуда
Храм волшебный – Покрова.

Распрямляется душа

Благодать июльской ночи.
Запах скошенных лугов.
Речка тихая лопочет
В ивняке у берегов.
Теплый сумрак опустился
На поля родной земли.
Костерок рыбацкий взвился
На лугу в лесной дали.
Тишина... Окрестность дремлет...
И ушица хороша!
У костра приляг на землю —
Распрямляется душа.
Я восторга не скрываю,
Проживу еще сто лет
И шепчу родному краю:
– Лучше места в мире нет!
Луг Коленом величают,
Речку Кипшеньгой зовут.
И меня здесь помнят, знают:
Здесьний я, родился тут.
Птички ранние запели,
Оживает ветерок,
Травы в росах заблестели,

Догорел мой костерок.
Тает сумрак летней ночи.
Сброшен груз походных дней.
Я иду, счастливый очень,
К маме ласковой моей.
В автономке мне приснится
Запах скошенных лугов,
Ночь, уха, дымок струится
У родимых берегов

Подильная

Подильной горушку ту звали
Над Кипшеньгой – детства рекой.
Какие там виднелись дали!
А воздух там теплый какой!
Там можно с разбегу запрыгнуть
На облако, как на коня,
Чтоб, шею гривастую выгнув,
Он нес над землею меня,
Чтоб плыть над старинным погостом,
Лугами, лесами, рекой...
Так сладко, так мягко, так просто
В перине воздушной такой!
И ждут меня дальние страны,
Моря, приключения ждут,
Лианы, кокосы, бананы,
Жирафы, слоны, обезьяны...
Посмотрим, как люди живут.
Придвинусь на краешек самый
И Любушке крикну: «Привет!»
Такой-то, поди, ни в Панаме,
Ни в Африке девочки нет.

У мамы

Раннее утро, но мама не спит,
Робко на кухне ухватом стучит.
Запахи хлеба, наваристых щей
Тянутся с кухни к постели моей.
По занавеске, сосновой стене
Солнечный зайчик крадется ко мне.
Старый знакомый – скворец за окном —
Трелями будит родительский дом.
Полный восторгами алой зари,
Блудного сына, как в детстве, корит:
– Эй! Просыпайся, ленивый народ,
Солнце проспите, весну, ледоход!

В шалаше

Люблю дремать в уюте шалаша,
Смолой целебной и дымком дыша.

Ну что есть лучше, чем еловый лес,
Охапка сена да из лап навес?!

Трещит костёр, картошечка в золе.
Ну где бывает лучше на земле?!

Ещё бы, чтоб раздвинуть темноту,
Подружку бы из молодости ту,

С которой коротка бывала ночь
И все напасти улетали прочь.

Холодный дождик

Холодный дождик размазал краски.
Повсюду серо-зелёный цвет.
Пора б немного тепла и ласки.
Неделю сыплет – спасенья нет!

В холодных лужах утонет лето.
Исчезло небо – одна вода.
Наверно, солнце за лесом где-то
Попалось в тучи, как в невода.

Но тихий шёпот как будто слышен,
Что если с милой и в шалаше,
То не бывает погоды лучше
И в день прохладный тепло душе.

Грибной дождик

Тёплый дождичек идёт, я сижу,
Из-под ёлки на полянку гляжу.

Как в тазу, по чистым лужицам
Пузыри цветные кружатся.

Выползает из земли червячок.
Под листочек спрятался паучок.

Весь опятами оброс старый пенёк.
Сдвинул шапку боровик набекрень.

Вот и радуга-дуга, чудо-радуга!
Два лукошка в лес-то взять
Мне бы надо бы.

Королева леса

Королева леса всё же – ёлка!
Что там о других ни говорят.
Хороша, стройна, в живых иголках
Бриллианты радугой горят.
Меркнет на ветру порой суровой
Красота берёзовых ветвей.
А она под мантией пуховой
Только краше, искристей, светлей.
Не страшны ни ветры, ни морозы
В дорогих испытанных мехах.
Ещё ярче пламенеют розы
У хозяйки строгой на щеках.
В Новый год спешу через сугробы
По полям, по льду могучих рек
В русский лес, взглянуть на ёлку чтобы
И в любви признаться ей навек.
И поют, и кружатся метели.
И созвездья украшают зал
Во дворце, где сказочные ели
Королевский открывают бал.

Зимой в Заполярье

Луна над сопками встает,
Холодный свет в ущелья льет.
В пещерах темных вор живет,
Украл рубин с ветвей рябин,
Агат долин, сапфир вершин,
Украл топаз полярных льдин.
Запрятал россыпь жемчугов,
Румянец лиц, алмаз снегов
Под крышки мрачных сундуков.
Лесов зеленых изумруд
Никто давно не видел тут.
Мороз и мрак в ущельях ждут.
Зарей не вспыхнет небосвод.
Пожар-закат, пурпур-восход
За цепью гор, за далью вод.
Исчезла неба бирюза,
Но не спешит утрат слеза,
Еще сияют звезд глаза.
Луной всю зиму смотрит ночь,
И я спешу сердцам помочь
Прогнать и мрак, и холод прочь.
Мой стих свободный, не молчи!
От рифм теплей в глухой ночи.

Читай, погрейся, не ворчи.
Но и, поэзией горя,
Мечтаю с дней осенних я
О середине января.
Вернет сокровища январь.
Лучом волшебным вспыхнет даль,
Румянец лиц и льдин хрусталь.
Преобразится мир окрест —
В брильянтах засияет лес
Под яркой бирюзой небес.
Июнь и май лесам вернут
Берез бесценный изумруд.
Пуускай их снова украдут.
Не спрятать вору на века
Красу под крышки сундука,
Прекрасна времени река.

Весна в Заполярье

Лучи кинжалами проткнули
Завесу серых облаков.
Озера золотом блеснули,
И сопки вспыхнули с боков.

На деревцах рвануло почки.
От вербы весь сугроб в пыльце.
И, как веснушки, лезут кочки
У бледной тундры на лице.

И в Заполярье скоро лето.
Хоть снег кругом, зима-зимой,
Но все же кренился планета
К светилу нашей стороной.

Окна школы

Город мой в объятьях Юг-реки,
Бережет тебя Святой Никола.
И горят в судьбе, как маяки,
На холме высоком окна школы.

Нам весну, как чудо из чудес,
Объявляли в мае пароходы,
Унося из класса до небес,
Торопя, как льдины, наши годы.

Отбурлила талая вода!
И, пройдя невзгоды все и мели,
Мы вернулись взрослыми сюда —
В то гнездо, откуда улетели!

Парты, окна, классная доска...
Всё родное – запахи и звуки!
И ласкает чистая река
Храм мечты, надежды и науки!

Город мой в объятьях Юг-реки,
Пусть хранит тебя Святой Никола,
И горят, как в море маяки,

Для детей и взрослых окна школы!

Привет, Никольск!

Привет, Никольск! Ты помнишь, старина,
Как шла по звонкой улице ОНА!?
Так к нам в сердца идёт сама весна:
Увидел – и навек лишился сна.
Мы с ней случайно встретились потом
На речке за осиновоким мостом,
Потом на пляже, где песок у ГЭС.
В мечтах я уносился до небес.
И для неё, от счастья глуп и пьян,
Не омут переплыл бы – океан!
Прости, Никольск, я был силён и смел,
Но ей признаться так и не посмел.
А там уж скоро лёгкий самолёт
Меня в края чужие унесёт.
И замелькают мои дни за годом год...
Как день один прошло полсотни лет!
И вот я здесь, ищу знакомый след.
Скажи, Никольск, открой мне, старина,
На улице какой живёт ОНА —
Моя любовь, моя мечта, моя весна?

Вы поверьте, васильками...

Вы поверьте, васильками,
Васильками я живу.
Словно птица, с облаками,
С облаками к ним плыву.
Вольный ветер, синий ветер,
Только ветер в вышине...
Все на свете знает ветер
О тебе и обо мне.
Золотая-золотая
С васильками в поле рожь!
И высокая, густая,
Словно по лесу бредёшь.
Здравствуй, поле!
Здравствуй, небо!
Дом родимый у реки!
Как давно я с вами не был!
Как красивы васильки!
Вы поверьте, только вами,
Только вами я живу.
Где бы ни был, с облаками,
С облаками к вам плыву.

Когда отпустит суета

Когда Москва в изнеможенье
Под утро рухнет в тишину
И первый луч начнёт движенье,
Как кот к чердачному окну,
Когда страстей вчерашних ропот
Уже водой студёной смывает,
И всякий звук похож на шепот,
И наконец столица спит —
Взгляните! Как она прекрасна,
Когда отпустит суета!
И Кремль сияет в водах ясных,
И храм Спасителя Христа.
Через минуту, словно птицы,
Вдруг встрепенутся купола.
И отуманят лик столицы
Неумолимые дела.
Пусть коротка минута эта,
Она останется со мной —
Я слышал музыку рассвета
Над озарённою Москвой!

В полярной ночи

Радужным, зыбким органом расцвечен
Черный провал заполярных ночей.
Север гранитный короной увенчан
Трепетных, ярких, холодных лучей.
С чем еще сравнивать жуткое чудо?
С дивным букетом полуденных стран?
В храме полуночном смертному люду
Вечности мессу играет орган!
Плачут басы в этом траурном зале,
Души людские куда-то маня.
Может, на север, на Полюс умчались
Все, кто прошли по земле до меня?
Вихри холодные в небо взмывают:
Красный, зеленые, с голубизной.
Мечутся в пляске, играют, мерцают...
Мертвых цветов торжество над Землей.
Вижу – распластан на черном граните.
Слышу – орган обо мне голосит.
Реквием грозный в холодном зените
Вечной загадкой над миром висит.

На озере каток

Вода замерзла полая,
А снега лишь чуток.
Поземка вьет веселая.
На озере каток.
Звенит приятной музыкой
По всей округе лед.
И кружится, и кружится
Снежинок хоровод.
Подводные растения
И рыбы мне видны.
Волшебные видения
Неведомой страны.

Осина

Осинка-лопотушка,
Подружка-хохотушка,
Стоит себе, болтает
На даче за сараем.
Проста, неприхотлива,
Живуча всем на диво.
Хоть яблочек не приносит,
Но и воды не просит.
Люблю тебя, осинка,
За сказки без запинки,
За песенки лесные,
Частушки удалые...
Ругается сосед,
А мне и дела нет.
Пустая мол лесина,
Но пусть растёт осина!

Живая вода

Послушай, друг,
А как там луг?
И как кусты?
И как цветы?
Всё так ли река
Чиста, глубока?
А там, где мысок,
Горяч ли песок?

Убегу, убегу, убегу, убегу навсегда
Туда, где журчит живая вода,
Где ветер один – всему господин,
Туда, где леса метут небеса!

А помнишь, друг,
Под песни выюг
Так сладок сон,
Так лечит он!
Жива ли изба?
Дымит ли труба?
Рябину в снегу
Забывать не могу!

Убегу, убегу, убегу, убегу навсегда
Туда, где журчит живая вода,
Где ветер один – всему господин,
Туда, где леса метут небеса!

А знаешь, друг,
Спешат на юг
Жильцы столиц
И стаи птиц,
А мне бы луч
Из серых туч,
А мне бы тоски
У хмурой реки!

Убегу, убегу, убегу, убегу навсегда
Туда, где журчит живая вода,
Где ветер один – всему господин,
Туда, где леса метут небеса!

Весенний ливень

Весенний ливень водопадом с круч
Умыл дома, мосты, деревья в парке...
И солнца луч, и ласковый, и жаркий,
Раздвинул полог облегчённых туч.

И встала радуга! Проспект сиял под ней.
В весёлых брызгах, в фейерверках света
Я видел, к нам в Москву въезжало лето
На тройке золотых своих коней.

Пустует милое крылечко

Пустует милое крылечко.
Дрожит рябинка под окном.
В родимом домике над речкой
Уснула мама вечным сном.

Лежит, сложив смиренно руки.
– Ну полно, мамочка, вставай!
Здесь дети все твои и внуки.
Неси на стол свой каравай.

Не встрепенётся, не заплачет,
Не захлопочет, и в печи
Огонь весёлый не заскачет.
Совсем остыли кирпичи.

Не перекрестит на дорожку,
Спеша последнее отдать,
В пустой карман не сунет трёшку.
И днём и ночью у окошка
Меня никто не будет ждать.

Босиком по теплым лужам

Босиком по теплым лужам —
Утомили каблуки,
Выпускницы утром кружат
Беззаботны и легки.
Ночью дождик вымыл город.
В речке плещется заря.
И сияет свеж и молод
Купол древнего Кремля.
Прочь, учебники и стужа!
В легких платьицах идут.
Ах, как любят! Ах, как дружат!
Ах, как весело поют!
Словно стайка фей крылатых
К нам спустилась с высоты,
Мир наполнив ароматом
Чистоты и красоты.

Лесное озеро

Озеро далекое
Посреди лесов
Огласилось клетотом
Птичьих голосов.
Озарилось крыльями
Белоснежных птиц,
Древними поверьями,
Бликами зарниц.
Из-за моря, издалека,
Из тепла саванн
Прилетел к истокам
Белый караван.
К своему гнездовью,
В лоно тишины,
С нежностью, с любовью,
В сказочные сны.

Пришла зима

Снова праздник – пришла зима.
Налетела, как стая белая.
Прямо в небо дымят дома.
Вырастают стволы с холма,
Поднебесная роща целая.
На черемухе – снегири.
Ветви белые, птички алые.
Хочешь яблоко? Вот, бери.
Под окошком в лучах зари,
Словно яблоньки запоздалые.
Как по пуху, бреду к дружку:
Раздобыл дружок медвежатину.
К магазину по бережку,
Через мостик да по лужку,
Мимо мельницы – на свежатину.

Вологодское масло

Вологодского масла
Не бывает вкусней.
Прост, как лапоть,
как прясло —
Нет сравнений точней!
И сермяга наш Яшин,
И Рубцов наш таков,
А найдите изящней
Этих двух «простаков».
За загадками кружев
Не летают до звезд,
В перламутровых лужах
Их оставит мороз.
Травы в искрах рассвета,
Ароматы лугов
Тронут сердце поэта,
Льются в вымя коров.
Рвусь сквозь тернии
к пряслу,
К кружевам на окне.
Вологодское масло
Будет вечно в цене!

Слово вологодское

Слово вологодское
Взволновало грудь.
Детство деревенское
Не дает уснуть.
Вспомнились дороженьки,
Вспомнились луга,
Заливные поженьки,
Свежие стога...
Реченьки излучины,
Аромат полей...
Что взамен получено?
Сердцу что милей?

Осенью

Море седое.
Бушующий вал
Пеной прибоя
Вскипает у скал.
Небо набухло,
Припало к земле.
Травы пожухли.
Рябина в огне.
Запах дурмана
От зыбких болот.
Птиц караваны
Уходят в полет.
Тундры осенней
Багряный ковер
Плещется в чашах
Прозрачных озер.
Сопки, да кручи,
Да камни кругом.
Ветры, да тучи,
Да мы с рюкзаком

За окном щебечут воробьи

Кто сказал, что радоваться нечему!?

По утрам щебечут воробьи.

Даже стыдно иногда, что с вечера

Клял весь мир за горести свои.

Глянь, какое солнышко над городом

Разметало добрые лучи.

Так свежо, так радостно и молодо,

Что вставай и воробьём кричи.

Раму настезь распахну оконную.

Хватит всем и света, и любви.

Гонят прочь печаль-тревогу сонную

Радостным трезвоном воробьи!

Как хорош дремучий лес

Как хорош дремучий лес —
Мир загадок и чудес.
Вдалеке от городов
Самолётов, поездов,
Пыли, шума, суеты —
Тишина, покой, цветы...
Пахнет свежестью лесной,
Земляникой и сосной.
Только там, где волчий лог
У неезженных дорог,
Там, где пень сухой торчит,
Чёрный ворон прокричит.
Лес притихнет, замолчит.
Что за странный часовой?
Что за сказки Царь лесной
Поручил стеречь ему?
Не известно никому!

Зимних окон витражи

Зимних окон витражи.
Лунное сияние.
Елка, сумрак...
Ни души...
Шариков мерцание.
Хорошо под Рождество
О былом мечтается,
Сказкой светится окно,
Детство вспоминается.
На расписанном стекле:
Глухомань таежная,
Лес в узорном серебре,
Дрема бездорожная.
Под деревьями видна
Ветхая избушечка.
При лучине у окна
Лен прядет старушечка,
Песни длинные поет,
Нить судьбою тянется.
Волк к избушке подойдет,
След в снегу останется.
Тишина, мороз трещит,
Да сугробы сходятся.

Ночь хрустальная дрожит,
Звезды хороводятся.
Ах, какие витражи!
Лунное сияние.
Светлый праздник для души,
Древнее предание.

Лучший город земли

Жизнь в провинции плохая.
Недовольны все кругом.
Всё равно не надо рая —
Посетить бы отчий дом.
Был в Париже и в Берлине,
А теперь живу в Москве.
Только все ж Никольск старинный
Всех милее на Земле.
Будто выйдет вдруг из леса
Вам навстречу Русь сама —
Деревянные навесы,
Деревянные дома.
Скот домашний, огороды,
Баня, хлев и сеновал.
Близость матушки-природы.
И с картошечкой подвал.
Из дощечек тротуары,
Весь в сирени палисад.
Погулять выходят пары
В городской тенистый сад.
А какой там свет струится
На сугробы из окна!
А как тихо снег кружится!

Снегом улица полна.
Как дымок из труб приятен!
Чугунки в печи кипят.
Чист мой город и опрятен.
Бодро валенки скрипят.
И на юг спешить не надо —
Юг-река со всех сторон.
Пляж шикарный с домом рядом —
И бассейн, и стадион.
Опоясывает речка
Город, словно поясок.
У воды мое крылечко.
Золотой песок у ног.
А какие сосны, ели!
Наглядеться не могу.
Здесь с друзьями мы сидели
У костра на берегу.
В путь душа моя стремится
От родимых мест вдали,
Чтоб свиданьем насладиться
С лучшим городом Земли.

Отпусти меня, вокзал

Отпусти меня, вокзал
Погулять по городу.
Где я только ни бывал —
Всё же тянет в Вологду.
Городок-то, городок —
Что кресты, что башенки!
Говорок-то, говорок —
Окающий, нашенский!
Сохранился, ввысь и вширь
Рвётся город древний.
Каждый встречный – богатырь,
Женщины – царевны.
На морях я с юных лет,
Здесь проездом снова.
Поспешу-ка сдать билет
Да махну к Рубцову,
Где идёт чистейший снег
На тишайшую из рек,
Где на комьях глины
Вянут георгины...

Не верю в безымянные высоты

Не верю в безымянные высоты.
Ты не у карт – у жителей спроси.
Любая горка, ручеёк, болото
Название имеют на Руси.

Преданья достаются по наследству.
Из слов картина Мира соткана.
Земли родной названиями с детства
Душа моя, как музыкой, полна.

Они со мной – и счастье близко-близко.
Они звучат – и дома я, мой друг:
Воронья, Согры, Волок, Черемиска,
Подильная, Борок, Казённый луг...

Идёт по лесу Старая дорога.
Бежит по полю Новая межа.
На Просеке – маслят, конечно, много.
На Вырубках – малина хороша.

Под каждой ёлкой чудо видел кто-то.
В любом логу пугает наповал...
Кто верит в безымянные высоты,

У нас в деревне точно не бывал!

Дорогой Рубцова

До деревни до Николы
Труден путь.
До парома от парома —
Хлябь и муть.
Ни попутки, ни подводы —
Пешедрал.
Сколько раз по непогоде
Он шагал...
Яства – чёрная краюха
Да вода.
Стонут в поле, как старухи,
Провода.
Натрудил матросу плечи
Вещмешок.
Попугал в осенний вечер
Волчий лог.
А пойди-ка, поищи
Стихи светлей,
Его сказочной глуши
И журавлей.
Вот обидно карьеристам
От пера,
Что не им сундук Россия

Отперла.

Где сокровища несметные,
Грады-Китежи бессмертные...

А чего завидовать,

Дружок?

Вот те лапти, вот сума

И батожок.

Русь возвращается!

Художнику В. Н. Латынцеву

В Устюге храмов горят купола.
В Сухоне льдины дыбом.
Русь православная мне мила.
Таю весенней глыбой.
Дома я, в тёмном гуляю лесу,
Полям дышу и лугом.
Пью, как лекарство, полотен красу.
Встретился с давним другом.
Ветра и птиц узнаю голоса.
Святость во мне земная.
Как в этих лужах горят небеса!
А синева какая!
Радость во мне, не тоска и не грусть.
Избам хочу покаяться.
Кто там твердит: «Уходящая Русь»?
Русь возвращается!

Москва – Мурманск

Москва растаяла вдали.
Продлится два часа полёт.
И Мурманск на краю земли
Полночный примет самолёт.
Под облаками спит земля,
Которой в мире нет милей.
Леса, погосты и поля
И домик матери моей.
Края, где знаю каждый куст.
Село, где не был столько лет.
Луга, где воздух на меду.
Сады, где рвал с черёмух цвет.
Бездушный век приговорил
Летать в стерильных облаках.
Да так, что я почти забыл
И шум берёз, и запах трав.
А мне нельзя без тех лугов!
А мне нельзя без тех полей!
Я все отдам без лишних слов
За воздух родины моей.
Лечу над ватой облаков.
Могуч, как бог, ни дать ни взять.
На днях от Кольских берегов

В подлодке отвалю опять.
А там не воздух – кислород
Настоян тяжкой глубиной.
Там океан и вечный лёд
Между Россией и мной.
А мне нельзя без тех лугов!
А мне нельзя без тех полей!
Я всё отдам без лишних слов
За воздух родины моей.
Москва растаяла вдали.
Ночной закончился полёт.
И Мурманск на краю земли
В огнях встречает самолёт.

Урановая музыка глубин

А. Г. Буглаку

Романтиков в помине не осталось,
И мы с тобой дожили до седин.
Счастливычки! Ведь нам с тобой досталась
Суровая романтика глубин.
Ты помнишь, как ныряли от причала —
В подводный космос от полярных льдин?!
Чтоб побеждать! И нам с тобой звучала
Урановая музыка глубин.
– Нормально ли – в поэты в ваши лета? —
Спросил журнальный деятель один.
Он где-то прав, но пусть учтут при этом
Влияние морозов и глубин.
Есть бриллианты и пустые стразы.
Есть просто угли от костра осин.
Но угли превращаются в алмазы,
Преодолев давление глубин.
Но души превращаются в алмазы
Под тяжестью немислимой глубин.

Ох, трудна, тяжела глубина.
Если что – ни покрывки, ни дна.

Только всё же упрямо идём мы на бой
В глубину, в глубине, с глубиной.
Потому что нам в жизни была суждена
Для огранки души глубина.

Уходим

Е.М.Иванову

Бурун.

Толчок.

Присела, понеслась!

Мы перешли

с моторов

на турбину.

Какая мощь!

Какая дрожь и страсть!

Уже волна

ласкает нашу спину.

Уходим

на работу в океаны

Невидимые

пахари глубин.

Для жизни мирной,

как это ни странно,

Нужны

ракеты

наших субмарин.

В холодный мрак

и в тишину

уходим,
Задраив люки,
 и надраив медь,
Чтоб за Россию
 при любой погоде
Ракеты
 не замедлили
 взлететь.
Под тяжкий груз
 мы подставляем плечи.
С ним нет покоя
 и на самом дне.
И рвутся души
 сквозь металл
 на встречу —
Из чёрной бездны
 к солнцу и весне.
И вот опять —
 присела, понеслась!
Уже идём
 из базы
 под турбиной.
Какая мощь!
 Нырнуть какая страсть!
И вот волна
 скрывает субмарину.

Автономка

Верхний люк уже задраен.
В ЦГБ шумит вода.
Погруженье начинаем.
Устремляемся туда,
Где стихия субмарин —
Тишина и мрак глубин.
Самый северный в Европе
Маячок мигнул вдали.
С ним исчезли в перископе
Очертания земли.
Семь минут дифферентовка —
Вот что значит тренировка.
Крейсер слился с человеком.
Тонну за борт, тонну в нос.
Осмотреться по отсекам.
Лишний вырубить насос.
Все системы проверяем.
Всё сбывается. Ныряем.
– Тридцать, сорок, шестьдесят, —
Слышен боцмана доклад.
Наконец спокойно мне
В безопасной глубине.
Как набат разнёсся эхом:

«Слушать всем!» – звенит сигнал.

В настороженных отсеках

Гимн Союза прозвучал.

Командир довёл до нас

По трансляции приказ:

– Курс на Полюс. Там всплывём,

Баллистической ракетой

В океане Тихом где-то

По квадрату долбанём.

Соблюдая тишину,

Мы уходим в глубину.

Задаем турбине двести.

Квакер щёлкает на дне.

Это значит мы на месте,

На рабочей глубине.

И крадёмся на вершину

Подо льдом в ущельях гор,

Уповая на машины

Да на мамин заговор...

Двадцатиметровый лёд

Здесь от шторма бережёт.

Слышал, были здесь когда-то

И подлодки супостата.

Не стучите люком громко —

Скрытность, море, автономка!

Вахта, сон, обед, каюта,

Тренировка КБР,
Чтенью, видику минута —
Вот подводника удел.
У мужчин налажен тут
Настороженный уют.
Сутки, месяцы бегут.
Нет, бегут до половины,
Ковыляют с середины,
По-пластунски наконец,
Словно раненый боец,
Сутки тянут еле-еле
Воз тринадцатой недели.
Вахта, ужин, филь, каюта,
Разговоры о стране,
Дети, женщины во сне...
И не спится почему-то
Подо льдом на глубине...
Всё же мир узнает нас —
Нами выполнен приказ.
Точно вмазала ракета
В океане Тихом где-то.
А о том, как в полынье
Оказался на корме
Белый, как сугроб, медведь
На людишек посмотреть,
Как мы вышли на простор

Из-под айсберговых гор —
То отдельный разговор.
Расскажу когда-нибудь.
Дайте мне передохнуть.
Вновь поют цистерны звонко.
Мы устали в тишине.
Завершилась автономка.
Крейсер снова на волне.
Ну, а штурман – парень дока!
И маяк, и город здесь.
И всплываем не до срока —
Все же счастье в жизни есть!
Снисхождения не знали
К нам ни льды, ни глубина.
Запах тундры слёзы дарит...
Принимай сынов, страна!

Отклонение – ноль

Достигли Полюса. Над нами вечный лед.
За много миль ни одного просвета.
По карте же неподалеку где-то
Есть полынья, которая нас ждет.
Вращаемся вокруг земной оси.
На ледомере тридцать метров, двадцать...
Сквозь лед такой нам к солнцу не прорваться,
На метра два едва хватает сил.
Ледовая разведка не точна?
А может, льды сплотила здесь природа?
В Центральном бьется мысль атомохода.
В отсеках ожиданья тишина.
Но мне всегда сопутствует успех!
Есть полынья – окно для нас открыто.
Всплываем меж ледовых сталактитов
На ровном киле вертикально вверх.
Нелегко путь во льдах из глубины.
Мы сутками на всплытии потеем.
Как говорят, ураном воду греем,
Забыв про отдых, пищу и про сны.
Но есть конец и этой маяты.

«Спиной»¹ прижались к панцирю земному.
Теперь осталось воздуху шальному
Продуть балласт и завершить труды.
Ликуй, братва, отдраен верхний люк!
Как узников, встречает нас свобода.
Кричим «Ура!» Прекрасная погода.
С вершины мира вдаль несется звук.
Футбол на Полюсе. Поверите едва ль.
Ворота – белоснежные торосы.
Служаки старые и юные матросы
Резвятся, криком оглашая даль.
Но делу – время, а потехе – час.
Не на футбол пришли сюда, однако.
Звучит сигнал «Ракетная атака!»,
Ничто у пультов не смущает нас.
А наверху мешает нам медведь —
Огромный, белый, не пугаясь вахты,
Гуляет там, где крышка нашей шахты.
Когда ему удастся посмотреть?!
Вот старт готов. Сейчас решится все.
Готовила его десятилетия
Страна моя. Я за нее в ответе.
Мы помним назначение свое!
Считает кто-то: флота песня спета.
Но тетивой и сталь, и нерв звенит.

¹ «Спина» – верхняя часть корпуса подводной лодки.

И вот ракета, разорвав зенит,
Ушла от льдов в тропическое лето.
Нам сообщили: «Отклоненье – ноль».
Теперь я знаю, и мужчины плачут.
Мы победили, выполнив задачу!
Но радость плачет, как не плачет боль.

Торпедная атака

На перископной глубине
Качает нас волна.
Но в окуляры снова мне
Эскадра не видна.
Махнул лопатой – никого².
Ныряю сразу вниз.
У экипажа моего
С досады нос повис.
Старанья наши псу под хвост.
Дошли сюда пока,
Циклон поправку, видно, внес
Не вышел ОБК.
Сегодня расколоть готов
Я ордер, как орех.
Как много вложено трудов!
Устранено помех...
Или ошибся, упустил,
Не рассчитал зигзаг?
И крейсер мимо проскочил,
Ушел за просто так?!
Не может быть! Я проверял

² "Махнуть лопатой" – быстро, за один оборот антенны обследовать надводную обстановку с помощью радиолокационной станции.

Не раз свое чутье,
Ему в атаках доверял
Спасение своё.
– Шумы надводных кораблей! —
Как гонг, звучит доклад.
Ложусь на пеленг поскорей.
У всех сердца стучат.
Дрожит подлодка скакуном.
И крен, и дифферент.
Глубины вспороты винтом.
Решающий момент.
Тут силуэты не видны,
Веду вслепую бой.
Мы победить сперва должны
В атаке мозговой.
Стеной эсминцы, БПК.
Но если каждый – ас,
Летит, как утка на стрелка,
Цель главная на нас.
Прорвали ордер. Правый борт.
Зеленые огни.
«Омега» введена в прибор.
И вот – команда «Пли!».
На крейсер, выполнив вираж,
Вошли торпеды в след.
И приз Главкома будет наш,

Теперь сомнений нет.
– На курс отрыва. Полный ход.
Уйдем на глубине.
И тут я чувствую, как пот
Струится по спине.
Бесследно канули года,
Как трассы от торпед.
Вот здесь, в отсеке,
Никогда
Побед бескровных нет!

Слежение

Бегу с ведром на голове³,
Не слышу ни черта.
Забил слух помехой мне
Шумящая вода.
Ракетовоз от нас ушел,
Вот-вот на мушке был.
Искал «коробкой» – не нашел,
Лишь время загубил.
Нам встречный танкер помешал.
Он спрятался под ним.
Тоску в подскоке разогнал —
За танкером летим.
– Акустики, снижаем ход.
– По курсу прямо – цель.
Теперь он точно не уйдет.
Еще разок проверь.
Его шумы слышны опять.
Привязан, что ли, здесь?
Несется в лоб! А ну стоять!
Там ведра тоже есть!

³ "Бежать с ведром на голове" – выражение подводников, означающее для подводной лодки двигаться со скоростью, когда гидроакустические приборы не "слышат".

Посылкой прямо барабань,
И реверс побыстрей.
Задел скулу. И дело – дрянь,
И шкуру рвет на ней.
Загривок дыбом ото лба —
Ответственность на мне!
Лишь чуть царапнула судьба,
Но ужас по спине.
Я цел и должен продолжать,
Залижемся потом.
– А ну бодрей, не унывать!
– Механик, что с винтом?
Надежно «джона» взял за хвост.
Наращивая ход,
Бежит от нас ракетовоз
В спасение террвод.
За ним не можем мы туда —
Граница, как стена.
Для нас – нейтральная вода,
Мы – мирная страна.
Следил три ночи и три дня,
Держались молодцом.
Но смотрят, вижу, на меня,
Как будто что с лицом.
Открыли мне секрет простой
В каюте зеркала —

Прическа черная, как смоль,
Теперь, как снег, бела.
Вот так я стал как лунь седой,
Хоть не был на войне.
Ракетно-ядерной бедой
В лицо дохнуло мне.

Возвращение

Блюдце опрокинуто,⁴
И Кувшин пролит.
Только створ ведущий
В темноте горит.
Дал оперативный
Нам добро на вход.
Городок родимый
Субмарину ждет.
Крепко обнимали нас
Льды и глубина.
Радость возвращения —
Ты на всех одна!
Ворвалась в центральный,
По отсекам вторя,
С запахами тундры,
С рокотаньем моря.
Что за сигаретка!
Слаще нет отравы.
Нас ласкают ветры
Из Долины Славы.
Блюдце опрокинуто,

⁴ Блюдце, Кувшин – острова у входа в губу Западная Лица соответствующей названиям формы.

И Кувшин пролит.
Только створ ведущий
Радостно горит.
Помня поименно
Всех, кто не придет,
Западная Лица
Нас живыми ждет.

На срочном погружении

На срочном погружении
Закрякался ревун.⁵
Обиды и сомнения
Лечи, седой Нептун.
Исчезну я на месяцы
С поверхности Земли.
Отечество там мечется
Дельфином на мели.
В русалкиных владениях
Покой и тишина,
Ни бури, ни волнения
Не достигают дна.
В титан и сталь закованный,
Как в космосе, лечу.
Покоем очарованный,
Вздыхаю и молчу...

⁵ Ревун – звуковой сигнальный прибор на подводной лодке.

Точка на карте

Спросят, а как там, на атомном флоте?
Что повидал да куда заходил?
Друг, ты пойми, в монотонной работе
Месяцы в плаванье я проводил.
Точка на карте мне вспомнится сразу,
«Заяц»⁶ прокладчика в сетке морей.
Пашем глубины согласно приказу,
«Зайца» того черепаха быстрей.
Вахты ночные тревожные снова,
Крепко сжимает корабль океан,
Новости в сутки шифровкой в три слова,
Траверзы пройденных портов и стран.
Нудно в центральном гундосят сельсины⁷,
Воду бесшумно лопатят винты,
Где-то над нами – тайфуны и льдины,
Где-то внизу – желоба и хребты.
В точку тугую спрессованы души,
Пулей летим мы к приборам на пост,
Если акустиков чуткие уши

⁶ «"Заяц"» прокладчика – световая отметка места подводной лодки на карте автопрокладчика курса корабля.

⁷ Сельсины – электрические приборы.

Чью-то подлодку поймают за хвост⁸.
В миле от берега точка на карте
Вновь превратилась в корабль-исполин.
Вышли под елочку, вынырнем в марте —
Сотня уставших счастливых мужчин.
Солнечный мир я восторженно встретил,
Ветра и чаек ловлю голоса!
Помню, на пирсе в себе я заметил —
Плавится сердце и тают глаза.
Будто на свет появился впервые,
Надо, как в детстве, учиться ходить.
Землю, и небо, и сопки седые,
Друг, так, как я, ты не сможешь любить.
Пальмы, бананы, заморские страны...
Нет, мне достался завидней удел —
Мерить на всю глубину океаны,
Знать и тоски, и восторга предел.

⁸ "Взять за хвост" – здесь означает получить гидроакустический контакт.

Полгода мы без солнца...

Полгода мы без Солнца,
Полгода – без Луны.
Зимой звезда в оконце
Да всполохи видны.
А летом с белым светом
Нам справиться нет мочи.
Так хочется нам летом
Ну хоть немножко ночи!
Хочу туда, где солнце
С утра ласкает взгляд.
А ночью – тьма в оконце
И звездочки горят.

В шинели черной

В море синем летом знойным
Я нырял у крымских скал.
По ошибке кто-то черным
Море это обозвал.
Он не знал, конечно, грешный,
Беспросветный наш удел,
Заполярный климат здешний,
Черной краски беспредел.
Глянь, стою в шинели черной,
Черной стаей замер строй.
Люк подводной лодки черной
Черной втянет нас дырой.
Погрузились в космос черный
И летим средь звезд и льдин.
Астероидом безмолвным
Черным вынырнет Кильдин.
Крест над Западною Лицей,
Тень знакомая на дне⁹
У Медвежьего приснится
Черной меткой в страшном сне.

⁹ Подводная лодка «Комсомолец».

Когда в отсеки хлынула вода

*Памяти подводников атомной подводной лодки
К-159*

Когда из трещин хлынула вода,
Немедля мы задраили отсеки,
Но трос не вынес корабля-калеки,
И мы остались в море навсегда,
На острове погибших кораблей —
В прославленной и брошенной Гремихе.
Давно за нами увязалось лихо,
Пугая видом тлена и смертей.
Кого винить?! Запомните одно —
Мы были молодыми и живыми!
Бойцами! Не котятками слепыми,
На боевых постах ушли на дно.
Мы знали, что в реакторах уран,
А он не должен вырваться наружу!
И мы за вас отдали Богу душу,
Спасая Ледовитый океан.
Когда в отсеки хлынула вода,
Всё на пути сминая и калеча,
Под страшный груз подставили мы плечи,
Чтоб к вам на берег не пришла беда.

Отсек – редут и огневой рубеж,
Бородино и поле Куликово.
Мы до конца своё сдержали слово,
Не отступив и не предав надежд.

За несбежавших с кораблей

Мой тост за тех, что не сбежали,
Как крысы по концам в порту,
И, если надо, закрывали
Собой пробоины в борту.
У них и штиль, и непогода,
И поражение, и успех,
И даже капля кислорода —
Одна на всех. Одна на всех!
Они надежду в дни лихие
Из бед выносят на руках.
От века держится Россия
На настоящих мужиках.
За них – сегодня самых главных —
Бокалы до краев налей.
За самых верных, за бесславных,
За несбежавших с кораблей!

Подводный стадион

Мечусь, как зверь, я по торпедной палубе,

Нет аппетита, и потерял сон.

Вам восемь метров показалось мало бы,

А для подводной лодки – стадион.

Подпрыгнув, повисаю на шпангоуте,

Сойдет за перекладину вполне.

В купе экспресса с год пожить попробуйте,

Тогда поймете, как на глубине.

Эх, жизнь моя – пирог с начинкой ядерной.

Я мегатонны трогаю плечом.

Лишь восемь метров в этом мире матерном,

Но гиподинамия – нипочем.

7 апреля

7 апреля¹⁰ – холодный норд-вест.

7 апреля – отчаянья жест.

7 апреля – огонь и вода.

7 апреля – большая беда.

7 апреля – растерзанный флот

Потери считает и горькую пьёт.

7 апреля...

И всё-таки есть

И в чёрном апреле

Нам светлая весть —

Мы вместе, а значит

Беда – не беда.

И лечит нас дружбы

Живая вода.

7 апреля – на волю всех птиц!

Сегодня мы в храмах

У древних гробниц

Друзей поминаем,

Молитву творя,

¹⁰ 7 апреля 1989 года в праздник Благовещения погибла советская атомная подводная лодка «Комсомолец».

От Западной Лицы
До башен Кремля.

Пусть вечно их славят
Весна и капель.

7 апреля – святая купель!

Возьмите меня в автономку

Из мягких постелей и плюшевых кресел,
От ласковых жен и уютных квартир
Сбежим, как из плена, по долам и весям —
Отдайте приказ, боевой командир!
Пусть грозное море над рубкой сомкнется
И люк опечатает суетный мир,
Пусть юности песня в душе отзовется —
Отдайте приказ, боевой командир!
Ведь я на подлодке не с бухты-барахты.
Мой старый бушлатик изношен до дыр.
Вы только доверьте – я выстою вахты.
Отдайте приказ, боевой командир!
Здесь сердце на месте и нервы в порядке,
И нас не пугает тревожный эфир.
А как у акустиков плачут касатки...
Отдайте приказ, боевой командир!
Закатим с приходом раздольно и громко
В родном гарнизоне мы сказочный пир.
Возьмите, возьмите меня в автономку!
Отдайте приказ, боевой командир!

Я всё ещё живу в восьмидесятых

Я всё ещё живу в восьмидесятых
И до сих пор, признаться, не смирюсь
С делением на бедных и богатых,
Пою «несокрушимый» наш Союз.
Там корабли уходят в океаны
И день получки, как икона, свят...
И было это, как это ни странно,
Не сто, не двести – 20 лет назад!
Там деньги ничего почти не значат.
Там, как до звёзд, до пенсий и седин.
И обнимают шар земной, как мячик,
Маршруты наших грозных субмарин.
И, рыночные рублики мусоля,
Я не устану славить времена,
Где каждый был поэтом и героем,
Когда звала Великая страна.

Долина смерти – Долина славы!

Долина Смерти – Долина Славы.
Неразделимые имена.
Четыре года здесь бой кровавый
Вела с врагами моя страна.

Здесь эхо гулкое хохотало,
Вода кровавым текла вином.
Хрипела ярость, любовь пылала
В жестокой битве Добра со Злом.

Долина Смерти – Долина Славы.
Здесь расколола земную твердь:
Во веки слава – где берег правый,
А берег левый – позор и смерть.

Не позабудем же пир кровавый!
Жива Россия, зовём пока
Долину Смерти Долиной Славы!
Берёзки, памятник, облака...

Гарнизоны флота

Зелень волн, базальтовые сопки,
Синий воздух, белых чаек крик.
По фиордам черные подлодки,
Как киты, уткнулись в материк.

Строй домов. Дымит труба котельной.
Пронесется ягодный сезон.
И опять зима метлой метельной
Заметает дальний гарнизон.

Кольский Север. Гарнизоны флота.
Здесь и я совсем недавно жил.
Много лет в тревогах и заботах
На подлодках атомных служил.

И хочу, чтоб на планете знали —
Всем смертям и бедам вопреки
В глубину на кораблях из стали
Точно в срок уходят моряки.

Сопка Бегемот

В нашем доме из окна
Тундра Кольская видна.
Дремлет черная гора
Посреди болота.
Не случайно названа
Сопка Бегемотом.
Приглядишь – и впрямь в болоте
Спит луна на бегемоте.
От ветров восточных кто-то
Защитил нас Бегемотом.
Есть в Крыму Медведь-гора,
Но в России знать пора —
В Лице Западной живёт
На болоте Бегемот.
С моря зверю-исполину
Тучи-швабры драят спину.
По хребту дожди идут,
В ноздри сумерки ползут.
Белая метелица
По ущельям стелется,
Иль багряный листопад
Засыпает всё подряд,
У подножья речка Лица

К морю Баренца стремится.
С речкой этой не шути —
Вброд не сможешь перейти.
А за сопкой – гладь озёр,
Словно чаши между гор.
Ждёт в озёрах рыбаков
Замечательный улов.
И охотник не зевай —
Зайца за уши хватай.
Куропаток примечай —
Напугают невзначай.
Сопку слева обойди —
Ждет брусника на пути.
Если ж справа обогнёшь,
Там грибов – не донесёшь.
Север вреден для кого-то,
Только не для Бегемота.
Толстокож, невозмутим,
Мы похожи в этом с ним.
Замечательный пейзаж
Украшает город наш!

Под северным сиянием

Сияньем украсил космический ветер,
Как флагами, сумрак арктических вод.
Фарватером славы минувших столетий
Мечта молодая уводит в поход.
На Севере диком подводные лодки
Под флагом Андреевским мальчиков ждут.
Наступит пора, и друзья-одногодки
В поход субмарины свои поведут.
Не свалят их с ног ни мороз, ни метели,
Пусть стынут в шинелях на шалом ветру,
Не любят газеты, тылы канителият —
В строю экипажи стоят поутру.
В их душах живут канониры «Варяга».
Отбой, как и прежде, трубить не пора.
В смертельном бою не изменит отвага.
На стенах трепещут штандарты Петра.
Органом поет здесь космический ветер
На трубах пророчеств потомков слова:
«Есть флот у России. Он юн, трехсотлетний!»
В гранитных фиордах надежда жива.

Судьбы причал

Над заполярным городом
метель, пурга.
Зима его укутала в снега,
в снега.
И солнце, самоцветами
меня маня,
Не заиграет радостно
всполохом дня.
В ночи незамерзающий
парит залив.
Здесь теплое течение,
большой прилив.
В воде китами черными
подводный флот.
Меня под флаг Андреевский
подлодка ждет.
А по утрам над сопками
темным-темно.
Шальные ветры ломаются
всю ночь в окно.
Как будто в синей глубине,
где мрак и тьма,
В метели погруженные

стоят дома.

Я рос под Вологдой в лесах,
а нынче здесь.

Ведь есть Россия и во льдах,
и в тундре есть.

Я полюбил ее моря
и ветры скал,

Другого счастья не ищу
и не искал.

Норд-вест хмельные песни пел,
корабль качал.

Широты северных морей —
судьбы причал.

Простите, сыновья

Простите, сыновья, мы трудные дороги
Сегодня вам в наследство отдаём.
Вам на парадах щеголять не многим,
Но поголовно быть крещёными огнём.

На кораблях стареющего флота
И на фронтах, как прежде, – горячо.
Отечества тревоги и заботы
С погонами ложатся на плечо.

Спасибо за старанье и терпенье,
Что всем кликушам и соблазнам вопреки
Вы на героев держите равнение,
Что твёрдо шаг чеканят моряки.

Служите честно. Мы гордимся вами.
Пусть ордена украсят вашу грудь.
Андреевские флаги над волнами.
И впереди есть только славный путь!

Первопроходцы

Экипажу первой советской атомной подводной лодки «Ленинский комсомол» (К-3) посвящается.

Реактор ядерный освоен.
Раздвинем льды – приказ отдай.
Не всех дождется мать героев,
Впервые вышедших за край.
Теперь К-3 легендой стала.
Над Лицей Западной скала
От тайн доверенных устала.
Она свидетелем была,
Как обожженные тела
Закрыла братская могила,
Как потрясенная страна
Первопроходцев хоронила.
А вы ходили в неизвестность?
А вы летали на Луну?
Или хотя бы ночью лесом
Прошли к соседнему селу.
Когда гудит и стонет лес.
И мрак. И бледная фигура
Возникла у проклятых мест,
Аж дыбом встала шевелюра...

Пожар во льдах – не призрак бледный —
В отсеках тесных бушевал.
И все же их восторг победный
Впервые с Полюса звучал.
Они с Гагариным в обнимку
На фотографии стоят.
В музее нет ценнее снимков —
Они о многом говорят.
В любви и в службе —
Честь и честность.
И только так идут в мечту.
И отступает неизвестность,
Но лишь на шаг, не на версту.
Другим торить пути-дороги,
Другим – на Марс, другим – под лед...
Быть первыми – удел немногих.
Душа их подвигом живет.

За флот!

Я глотку водкой
снова обожгу.
Нет для души
воды святее водки,
Когда она
скулит на берегу
По морякам
с потерянной подлодки.
И пусть на миг
отпустит эта боль.
Мне с ней дышать
сегодня очень сложно.
Судьба вот-вот
замрёт на цифре ноль.
И сдвинуть стрелки
будет невозможно.
Как там – на дне,
в отсеках, под водой,
Где спят часы,
затянутые тиной...
Встряхнём пружину!
Рано на покой!
За флот! За Русь!

И чтоб ни капли мимо!

Аварийная тревога

Аварийная тревога
помянуть заставит Бога.
На подлодке от беды
затаится некуда.
Ни лесочка, ни пенёчка,
ни куста, ни бугорочка.
Где горит? Куда бежать?
Не поймёшь, едрёна мать!
А пока сообразишь,
захлебнёшься и сгоришь.
Вся надежда, коль беда,
на Центральный и ИДА.
Дал турбине полный ход,
руль на всплытие, и вот —
Вылетаешь из глубин,
как испуганный дельфин.
Люк отдрай, кури, дыши.
Ждите папу, малыши.
В точке всплытья сухогруз
Расколосся, как арбуз...

Кричала чайка

Чайка на закате дня кричала,
Проносья над домиком моим.
Всё звала от дачного причала
В те края, где был я молодым.
Оживив мне в сердце шум прибоя,
Будто звуков не было милей...
Чайка, чайка, что это такое!?
Даже в Подмосковье шум морей!

Море подводника

Н. Г. Иванову

Спасибо за парус, за волны, брат,
Но море подводника – чёрный квадрат.
За рамой – бездна без крышки, без дна,
Стена загадок, воды стена.
Темень крошечная ночью и днём,
И в ней мы движемся, в ней мы живём.
Ни волн, ни ветра, ни парусов...
Море – романтика голосов:
Скатов, крабов, дельфинов, акул...
Да вой торпед да реакторов гул,
Шумы винтов да визги турбин,
Громы тревог да шорохи льдин...
Море – работа, тяжёлый труд.
Море не любят – морем живут.
Конечно, парус – красиво, брат,
Но море моё – это чёрный квадрат!

В Лице все родные лица

В Лице лица сплошь знакомы.
Гарнизон подводный здесь
К скалам северным прикован
И знаком до боли весь.
Жить давно пора южнее,
Но нигде нас так не ждут,
Бывших мичманов, каплеев
Держит северный уют.
Прочен корпус, но прочнее
Дружба искренних мужчин.
Эта дружба посильнее
Политических причин.
Улыбается прохожий —
Двадцать лет, не как-нибудь,
Носом к носу с ним я прожил.
Он – подводник, в этом суть!
В автономках мы мечтали
О рыбалках, о весне,
В Беларусь к нему летали,
Мчались в Вологду ко мне.
И увижу, знаю точно,
В выходной погожий день
Многих жителей заочных

Городов и деревень.
Это кто усы развесил?
Обнимаю: «Жив, хохол!
Что-то нынче ты не весел.
Обижает слабый пол?»
Есть грузины, молдаване,
Дагестанцы, латыши...
Клясть судьбу свою не станем,
На делёж не поспешим.
Предки наши завещали:
В дружбе сила и успех.
Всем под солнцем места хватит,
Мать-Россия примет всех.
В Лице – все родные лица,
Братство истинных мужчин.
Нам кичиться не годится,
И Союз наш возродится,
Нет для ссор у нас причин.

Борису Орлову

Является мысль о последнем параде?
К чему нам вселенская грусть?
Поэтов морских собери в Ленинграде —
По первому зову явлюсь.

Пройдём по Кронштадту хозяйской походкой,
Заглянем в знакомый кабаk,
Где юность помянем стихами и водкой,
Конечно, споём об усталой подлодке,
Про наш негасимый маяк...

А после, разгула стряхнув атмосферу,
Один за другим, чередой
Расскажем о людях, красивых и смелых,
В пилотках и с красной звездой.

Атомная Лица

К 50-летию 1-ой Флотилии атомных подводных лодок Северного флота.

Город воинской славы
Непрославленный есть.
Там столица подплава,
Наша доблесть и честь.

Охраняют Россию
В Заполярье от бед
Крейсеров его сила,
Мегатонны ракет.

Там война грохотала,
Там враги не прошли,
Там в гранитные скалы
Этажи проросли.

Будем вечно гордиться,
Город-воин, тобой —
Нашей Атомной Лицей,
Океанской судьбой!

Спасибо, Владивосток!

Море – за горизонт дорога!
Юности флотской полный глоток
Был здесь и сделан
Из Золотого Рога.
Спасибо, Владивосток!

26.02.2011 г.

У картины

Пусть кто-то скажет: «Краски сгущены»,
По мне так этих красок нет милее!
Непосвящённым, верю, не видны —
Ни корабли, ни листопад в аллее...

За мысом слева скрыт Североморск.
А остров в центре – это остров Сальный,
Его с другим не спутает матрос!
Мечтали мы о нём в походе дальнем.

Начертан в сердце контур синих гор.
Зовёт фарватер Кольского залива.
И манит тундры сказочный узор,
Написанный и страстно, и правдиво!

Честь по-вологодски

*Памяти адмирала флота Советского Союза Н.
Г. Кузнецова*

Он не рычал, как лев, срывая спесь,
Не щёлкал каблуком в манере готской,
Но будет навсегда понятье честь
Звучать на диалекте вологодском.

Он, может быть, впервые сделал так —
Когда противник бил прямой наводкой,
Чтоб не с рогатиной Иваны шли на танк,
А с самолётом и с подводной лодкой.

В начале битвы грозный русский дух —
Морской пилот – ударил по Берлину,
Чтоб свет в окошке у врага потух,
Чтоб Гитлер ощутил свою кончину.

Ах, если бы не только Кузнецов —
Не с подчинёнными – с врагами был неистов...
Ах, сколько оказалось подлецов!
Как много малодушных карьеристов!

Но есть ещё герои! Слава есть!
Взлелеяны землёй и службой флотской.
И будет навсегда понятье честь
Звучать на диалекте вологодском!

Тогда погиб из всех один

*Светлой памяти моряка-подводника Леонида
Рябинина*

Тогда из всех погиб один —
Матрос на вахте у турбин.
Когда в отсек ворвался пар,
Он принял на себя удар.
Без лишних слов он юркнул в трюм,
И прекратился адский шум.
Он паропровод перекрыл
И смерти бал остановил.
Вот эти несколько секунд
Прыжком в бессмертье назовут.
Подлодка бережно всплыла,
Команда парня подняла.
Он был – один сплошной ожог,
Но победил! Но спас! Но смог!
Не пожалел он кожи всей
Для Родины и для друзей.
Матросский подвиг не забыт,
Как символ мужества, звучит —
Матрос Рябинин Леонид!
В сердцах – Рябинин Леонид!

В веках – Рябинин Леонид!
А в Шарье рябина красная
Под родительским окном
В хмурый день и в утро ясное
Всё печалится о нём.

У боевого командира

У боевого командира
Жена, три дочери и кот,
С балконом на залив квартира,
На службу ждет подводный флот.
Полгода не было зарплаты.
На экипаже некомплект.
Семья голодная в заплатах.
Ржавеет ядерный объект.
Не разгадать головоломки,
Гудят натружено мозги.
Россию жадные подонки,
Как шкуру, делят на куски.
Повсюду правят негодяи.
Жирует нечисть у Кремля.
Орла-урода воссоздали,
Но гибнет русская земля.
Гордишься возрожденным храмом,
Столица!? Иль ослепла ты —
Над золотыми куполами
Видны могильные кресты.

Западной Лицей нельзя не гордитьсяя

Западной Лицей нельзя не гордиться —
Город подводников, тундры столица.
И рифмовалось – Россия гордится.
И рифмовалось – на Полюс стремиться.
И рифмовалось – врагу не пробиться.
Твёрдо стоит на полярных границах
Гордая Лица, могучая Лица!
Что же с тобою могло приключиться?
Как же ты вдруг так могла измениться,
Добрая Лица, красавица Лица?
Стала для многих ты вдруг «заграница».
Окна домов зазияли бойницейй.
Рушится что-то и что-то дымится.
Мастер-подводник торгует водицейй.
Нынче рифмую – замёрзнуть боитсяя.
Нынче рифмую – России не спитсяя.
Нынче рифмуется – что-то случитсяя
С атомной Лицей, с прославленной Лицейй.
С чем же сравнить тебя, милая Лица,
Город подводников, город-столица?
Славе твоей суждено ль возродитьсяя?

Флота могила, большая гробница?
Нет, не поверю, сравню тебя с птицей,
С раненой птицей, гордая Лица!

Медвежий там, Чайчий, Витте

Медвежий там, Чайчий, Витте —
Во мраке лежат острова.
Гремиха забыта, забита,
Как дом, где семья умерла.
Теперь от ветров, от морозов,
Уж как в Островной не вертись,
Святым не прикроешься Носом¹¹,
И он удрученно повис.
Гранитный, Териберка, Ура,
И Ара, и Сайда-губа...
Крест-накрест. Свирепо и споро.
И Лицу ждет та же судьба?!
Все меньше ухоженных зданий,
Все больше зияет глазниц.
Все меньше улыбок, гуляний,
Все больше нахмуренных лиц.
И тают надежда и вера.
И оторопь душу берет.
Помором освоенный берег
Россия ветрам отдает.

¹¹ Святой Нос – полуостров.

За рыцарей глубин!

Мой тост за истины святыя —
Начнём, друзья, застолья чин,
Подняв бокал за флот России,
За славных рыцарей глубин!

Разлука

У расставаний запах смерти,
Как ни суди, как ни ряди...
У поездов шутить не смейте,
На лайнер не спеши взойти.
В последний раз взгляни с надеждой,
В последний раз руки коснись,
В последний раз с улыбкой нежной
Навечно с милыми простись.
— Пора, не поминайте лихом, —
Шепните в роковой момент.
И скорый поезд тихо-тихо
Начнёт свой бег на континент.
В судьбе и у окна в вагоне
Плывёт печальный силуэт,
И исчезает на перроне
Былой любви прекрасный след.
Бутылку горькую разлейте,
Как на поминках, в том пути.
У расставаний привкус смерти,
Как ни крути, как ни верти.

Сдаёт Россия города

Корабль – частица государства.
В нём всё, как в капле – океан:
И возрождение дворянства,
И разорение крестьян.
В нём достижения науки,
Образования итог,
Работников умелых руки,
Поэтов вдохновенный слог.
А если в капельке нуклиды
Работу подлую ведут?
А если распри и обиды
И на подлодке достают?
Беда одной частицы малой —
Народа общая беда.
Не «Курск» теряют адмиралы,
Сдаёт Россия города.

Спасибо, Западная Лица!

Спасибо, Западная Лица!

Что помнишь, что не держишь зла.

И я, закрученный в столице,

С любовью вспоминаю лица

И наши славные дела.

Из персональных достижений,

Из покорённых мной высот

Важнейшей число, без сомнений,

Вершину сопки Бегемот.

На той заснеженной вершине,

Как много-много лет назад,

Наверно, надпись и поныне

Находят: «Здесь сидел Игнат!»

Ах, если б не года да выюги...

Я б смог дополнить эту весть:

«Хоть он давно живёт на юге,

Но дух его витает здесь!»

Ветер, тучи, море...

А. Г. Пилипонскому

Ветер, тучи, море,
Пенная волна,
Парус на просторе —
Юности страна.
Руки режут шкоты.
Не робей, держись!
Свежие широты,
Пальмы, бегемоты —
Удалая жизнь.
Друг, скажи на милость,
Было или нет?!
Может, мне приснилось —
Папки, кабинет...
От мечты остались
Только синь в окне,
Только белый парус
В рамке на стене.

Отдалённый гарнизон

Всё начинается с дороги.
Наш отдалённый гарнизон
На Крайний Север занесён.
Край, ведомый теперь не многим.
Наш путь из Мурманска на west,
Туда, где Западная Лица
В моря студёные стремится.
Есть в мире мало ярче мест.
На нас от Кольского залива
В сиянье городских огней
Из тех военных страшных дней
Глядит Защитник горделивый.
Он имя дал – «Долина Славы».
Гремел над Лицей вдоль шоссе
И ночи все, и зимы все
Четыре года бой кровавый.
На каждой сопке – укрепленья
И пирамидки со звездой.
Штыки в долине над рекой —
Центральный памятник сражения.
Отсюда рядом. Утомлённый
Мельканьем сопок, рек, озёр,
Заметишь вдруг с вершины гор

Наш город, с морем обручённый.
Гордится он военной славой.
И экипажи сыновей
Идут отважно в глубь морей
Оберегать покой державы.
Круты, опасны океаны,
Но всем невздам вопреки
Здесь порох держат моряки
Сухим, как учат ветераны.

Чистые озёра

Чистые-чистые в сопках озёра.
Чистые наших любимых глаза.
Чистыми окнами светится школа.
Чистые льются детей голоса.

Тундры багряной горит отраженье,
Будто в озёрах подсвечено дно,
Или янтарное в чашах варенье,
Иль в хрустале золотое вино.

В море надолго мой крейсер подводный.
Школа и дети – в судьбе у тебя.
Чистой печалью по стёклам холодным
Катится тихо слезинка дождя.

Милая, нежная, ждёшь меня, знаю,
Радость моя и надежда моя.
Глаз твоих чистых озёра сияют
В рамке простой на столе у меня.

Чистые-чистые в сопках озёра.
Чистые наших любимых глаза.
Чистыми окнами светится школа.

Чистые лютя детей голоса.

О вечности

Относительно время в вечности:
Целой жизни равна война.
В океане, как в звездной млечности,
Словно космос, купель черна.
У подводников есть спасение —
Лечь на грунт, затаиться, ждать.
Только выдержка и терпение
Позволяют нам побеждать.
Рвутся бомбы вокруг глубинные,
Страшным молотом бьет вода.
И секунды, как сутки, длинные,
И минуты растут в года.
И в душе, словно в звездной млечности,
Нет звезды, но горит звезда.
И равняется вечер вечности,
Когда милая шепчет: «Да».

Смотр

Для доблестных – всегда свежи ветра,
Все паруса наполнены как надо.
Несется к нам сквозь бури и года
Фрегат могучий, гордая «Паллада».
И, пыль веков смахнув полой с ботфорт,
На мостике неукротимый гений
Судьей пристрастным начинает смотр
Флотов и дел новейших поколений.
Молчите о победах и героях,
Ему подай конечный результат.
Флот на мели, ограблен, не достроен,
В убогой тундре нищетой зажат.
Смирясь с позорной кличкой оккупанта,
Уходит росс с исконных берегов,
Бросая в грязь плоды его таланта
И славу трех блистательных веков.
Россию ждет заря стрелецкой казни.
Кто воры? Где продажные стрельцы?
И палачам предуготован праздник,
И многих ждут позорные концы...
Но взгляд от ярости на выкате теплеет.
В фиордах – потаенные суда,
И каждое такую мощь имеет,

Что континенты сдвинет без труда.
Еще не сгнула Великая Россия
В безвременье бездарных перемен.
Готовят старт расчеты боевые,
И не в чести любители измен.
Для доблестных – всегда попутный ветер.
Не оборвется поколений нить.
Народ услышит через три столетья
Его указ, как выстрел: «Флоту быть!»

Попирающим металл

Будь проклят, атлантический циклон!
Не повезло и в августе с погодой.
То солнца нет на небе по полгода,
То ветра оглушительного стон.
Будь прокляты изношенность торпед
И сотое продление ресурса
У батареи и приборов курса.
Ведь новых нет, и денег тоже нет.
Помилуй, Ледовитый океан!
Знакомы мне и впадины, и льдины.
Сегодня погружаешься в глубины,
Как будто бы садишься на вулкан.
Когда рванёт, не знаю, но рванёт.
Где тонко, как известно, там и рвётся.
Рискую, но, надеюсь, обойдётся.
А если что – до свадьбы заживёт...
Так про себя молился командир,
Словами успокаивая душу.
Ещё покрепче, солонее, гуще
Про весь подлунный и подводный мир.
Подводник – назначение его,
И здесь себя он чувствовал свободно.
За пять минут на крейсере подводном

Беды не предвещало ничего.
Противник слышен, но по курсу мель.
А потому затишье перед боем.
Он вскроет охраненье круговое
И поразит назначенную цель.
Он как мальчишка субмариной горд.
Такая мощь Жюль Верну и не снилась,
Бледнеет перед нею «Наутилус».
Доступны нам и тропики, и норд.
Ещё горит в реакторах уран,
Ещё в строю ракеты и торпеды,
Ещё мы помним аромат победы,
Ещё под силу русским океан.
Но грянул гром. Рванул боезапас.
В корме ещё надеялись живые.
Всё глуше, глуше, глуше позывные...
Нет, не успел к ребятам водолаз.
И вот корабль затягивает ил.
Потом его поднимут, но без носа.
И мучают проклятые вопросы,
И душу рвёт отчаянья тротил.
Но в оправданье и смертей, и мук
Нам катастрофой явленное чудо —
В записочке, полученной оттуда,
Любви, Надежды, Веры чистый звук!
Страна ещё воздвигнет пьедестал

Душе непокорённой субмарины —
Прекрасной женщине в объятиях мужчины,
Бесстрашно попирающей металл!

Реквием экипажу

Спите, родимые братья,
Прерван намеченный курс.
Держит пучина в объятьях
Смертною хваткою «Курск».
Милых друзей силуэты
Вот уже в небе плывут,
В рамках желтеют портреты,
Мамы стареют и ждут.
Грозная тень субмарины
Мрачной легендой скользит
Там, где полярные льдины,
Там, где холодный гранит.
Спите, родимые братья.
В вечность уходит ваш след.
Множит Россия распятыя
Смутных, безжалостных лет.

На океанском направлении

Кому-то война показалась холодной!
Меня же по-прежнему жжёт.
Бывало нам жарко на лодках подводных,
Но выстоял Северный флот!

На битву дивизия шла, не иначе.
Поход боевой не парад.
Подводные лодки с наукой в придачу
Атлантику брали в обхват.

Затем, чтоб найти для Генштаба России
Ответ на труднейший вопрос:
Какие у НАТО подводные силы
Ушли в океаны на пост.

– Их ПЛАРБЫ-убийцы в глубинах укрыты.
Ребята, найдите ответ.
У каждого «Джорджа» в обойму забиты
Шестнадцать смертельных ракет.

Одна за другой покидали подлодки
Причалы в назначенный час.
– Попутного ветра! – в прощанье коротком,

И молится берег за нас.

От базы «гребёнкой» мы чешем глубины.

От полюса рвёмся на юг.

На связи подводной идут субмарины.

Поможет испытанный друг.

Норвежский Норд Кап и норвежский Медвежий.

А дальше – арктический лёд.

Немалые силы с чужих побережий

Готовы испортить поход.

Форсировать скрытно вначале должны мы

Былые ошибки и ПЛО.¹²

Ведь скрытность подводнику необходима,

Как лётчику в небе крыло.

Крадёмся чуть слышно, в ладошку чихая,

Под транспортом «сидя» не раз.

Не слышит охрана, и мы ускользаем.

Ищи у Америки нас!

В отсеках без солнца, без неба работа,

Как бой за победу, идёт.

Теряет сознание, не выдержал кто-то.

¹² ПЛО – противолодочная оборона.

В турбинке¹³ металл обожжёт.

Меняя глубины, частоты и курсы,
Дивизия движется вниз.
Твердит без конца, как кукушка, акустик,
Что мир наш просторен и чист.

Дельфины кричат, стаи рыб догоняя,
И снова вокруг тишина.
Но в чёрных глубинах, планету пугая,
Незримо ведётся война.

Когда сквозь привычные шорохи моря
Пробыются чужие шумы,
Очнётся в отсеках грамматика боя.
Мы слушаем пульс глубины.

Следить незаметно удастся недолго.
Урановый Молох не спит!
Вот цель заметалась, как зверь под двустволкой,
И прямо навстречу летит.

Лишь чудо спасает корабль от удара.
Сквозь корпус мы слышим уже!
Турбины визжат под давлением пара

¹³ «Турбинка» – турбинный отсек атомной подводной лодки.

На самом крутом вираже.

Пошла на отрыв. Мы их тактику знаем.
Держать бы подольше, но как?
Зигзагами рыщем, в подскоке ныряем
И всё же потерян контакт.

Но сделано дело – мы знаем районы,
Откуда готовят удар.
Вдали запоздало гудят «Орионы»¹⁴,
И ждёт перископы радар.

В подводных дуэлях всё те же барьеры.
Спасут тренировка и глаз!
Ломаются рёбра, носы и карьеры...
Сегодня удача за нас!

Как прежде, встречает героев Рыбачий.
Над Западной Лицей снега.
Нам не было большей в походе удачи,
Чем снова вернуться сюда!

Поверьте – война не бывает холодной!
Идёт на секунды отсчёт.
Бывало нам жарко на лодках подводных,

¹⁴ «Орионы» – противолодочные самолёты НАТО.

Но выстоял Северный флот!

Хозяева глубин

*Ветеранам 33 дивизии атомных подводных лодок
Северного флота.*

Мы сделали хорошую работу.
Всё получилось, всё сбылось, но тех,
Замысливших в Москве перевороты,
Уже совсем не радовал успех.

Не нужен он иудам и сегодня,
Им не нужна великая страна.
Уткнись в корыто, жуй и будь свободен,
А то заладил: космос, глубина...

Мы не торгуем верностью и верой!
В легендах и преданиях всплывёт
И будет в поколениях примером
Наш доблестно исполненный поход.

Пять субмарин из лучшей в мире стали
Двух океанов вскрыли глубину...
Да, лишь теперь мы с грустью осознали —
Какую потеряли мы страну!

Но слава вам: Смелков, Муратов, Клюев,
Попков и Аликов – хозяева глубин!
Узнай, народ, подводников-героев
И памятник поставь на всех один.

Победы памятник! Чтоб вся планета знала,
Что русские умеют побеждать!
Довольно нам разрухой и развалом
Пугать людей и предков дух смущать.

Победы памятник! Ростральную колонну
С ошмётками от ПЛАРБов и от ПЛАРК,
Поверженных в дуэлях и погонях,
С их планами несбывшихся атак.

Пусть вспомнит мир при имени Шевченко
Великого не только kobзаря,
Но и подводника от Бога —
Человека, водившего дивизию в моря.

Нарком Кузнецов

В заснеженных сопок скупом интерьере
На рейде стоит «Адмирал Кузнецов».
Призывом отважным сквозь годы и мели
Я дух потревожил любимца отцов.

– Товарищ нарком, мы опять накануне,
В предчувствиях мрачных томится народ.
Ваш опыт бесценный, как водится, втуне,
А судьбы вершит подозрительный сброд.

Кровавые пальцы на шее сомкнуты,
Стоят «Томагавки» у сердца в упор.
А нам будут петь до последней минуты,
Что всюду друзья и что есть договор...

Беда за бедой и в войсках, и на флоте.
Бессильны спасатели и доктора.
Отважные соколы гибнут в полёте,
И тонут у пирсов без бомб крейсера.

Закрыли повсюду Иванам дорогу.
Опять под бичом до Урала беги?!
Товарищ нарком, объявите тревогу,

Чтоб нас, безоружных, не смяли враги.

И вижу – звезда семафорит на рейде
(Давно рассекречен наркомовский код):
«Дошлите патроны, ракеты проверьте.
Сегодня секунды решают исход».

Как Оля Диме

За эту грань живым дороги нет,
Песком и илом там забиты глотки.
За комингсом у гибнущей подлодки
Кончаются и тот, и этот свет.
Когда вода корёжила металл
И ужас заполнял людские души,
Он не дрожал – боролся, верил, слушал,
А под конец любимой написал:
«Родная, здесь беда, но я борюсь.
Отсек оглох от жуткой канонады.
Прошу тебя, не унывай, не надо,
На случай если все же не вернусь».
Он победил и мрак, и боль, и страх,
Он бездне и не думал покоряться.
Таких вот силы темные боятся.
Вот так за веру гибнут на кострах.
И мне для счастья нужно лишь одно,
Но это уж, как вдох, необходимо:
Шепни, любовь, шепни, как Оля Диме,
Что будешь ждать – и не удержит дно!

Прощайте, Западная Лица!

Прощайте, Западная Лица!
Пусть над котельной вьётся дым.
А мне позвольте удалиться,
Всё завещаю молодым:
Подлодки, базу, море, скалы,
Квартиру, школу, ДОФ, бассейн,
Походы, бури, ветры, шквалы,
Штыки на Печенгском шоссе.
Ещё газету, где впервые
Мои печатали стихи.
Они свидетели живые
Серьёзных дел и чепухи.
Со мной уедет только память
Тревожных, славных, смутных лет
Да серый плоский кольский камень —
Капусте гнёта лучше нет.
Мои тревоги отзвенели.
Вам флаг Андреевский нести.
Как говорится, честь имеем!
За сим расстанемся, прости!

Подводники – народ особый

Подводники – народ особый.
Я убедился в том вполне.
Нужны стальные нервы, чтобы
Нам уцелеть на глубине.
Чтоб от звонков не просыпаться,
От ревунов не умереть,
Обеда с воблою дожждаться
И от вина не осоветь.
Чтоб не набить о люки шишку,
Чтобы на вахте не уснуть,
Чтоб под рукой была мартышка,¹⁵
Когда рукою не свернуть...
Чтоб с ПДУ не расставаться,¹⁶
Дозиметр свой не потерять.
Старпома чтобы не пугаться,
Когда он вспомнит чью-то мать...
Чтоб в возвращенья час заветный
Не сбила с ног тебя молва,
Когда колышутся под ветром
У пирса юбки и трава.

¹⁵ Мартышка – инструмент для открытия забортных отверстий вручную.

¹⁶ ПДУ – переносное дыхательное устройство.

По Кольскому краю

Дорогой по Кольскому краю,
По самому краю земли
Я в добрую осень въезжаю,
Тревоги оставив вдали.
От храма Бориса и Глеба
У Никеля путь на восток.
Просторно осеннее небо,
Прозрачен и шумен поток.
В Титовке и в Западной Лице
Вода на порогах бурлит,
В долинах нектаром струится,
Целуя утесов гранит.
В заливах российского Норда
Качается Северный флот.
Дорога к подлодкам и фортам
От Печенгской трассы идет.
Там Нерпичья, Ура и Пала,
Кувшинка и Сайда-губа...
Немало меня потрепала
По этим фиордам судьба.
На этих развилках в метели
Я мерз, добираясь домой.
Достоинства черной шинели

Своей проверяя спиной.
И все же горжусь, что подводник,
Что юность прошла моя тут.
Храни их, Никола-угодник,
Всех тех, что под воду идут.
Рыбачий, в туманы и в бури
Их добрым лучом помани.
И в сопках на Муста Тунтури,
Военное эхо, усни!
Свои забываешь невзгоды,
Как только подумаешь вдруг
О тех, кто в военные годы
Страдал от морозов и выюг.
Стоят вдоль шоссе обелиски.
Штыки из бывшего торчат.
Знамена склоняются низко.
Угрюмые скалы молчат.
Безлюдное мчится пространство,
Бездонные чаши озер,
Лесов золотое убранство
На склонах причудливых гор.
Открылась огней панорама.
Как Мурманск вечерний красив!
Сияют проспекты, реклама,
Горит разноцветьем залив.
Жемчужина Кольского края

Прекрасна при свете огней.
Как будто бы манит, сверкая,
Гора драгоценных камней.
Въезжаю я в древнюю Колу.
И город, и Кола-река —
Поморы крутого посла.
И церковь здесь помнит века.
Вот только Тулома пошире,
Но что уж поделаешь тут?
Как предки в веках порешили,
Так Кольским наш край и зовут.
Еще одно милое слово —
Воздушный вокзал Мурмаши.
И вот уже рифма готова —
Разбег для крылатых машин.
Напрасно цветет стюардесса,
Меня не заманишь в полет.
Милее дорога у леса
Среди заполярных красот.
Немало чудес пролетело
Под тем торопливым крылом.
Куда я спешил ошалело?
Гораздо милей за рулем.
Устал, отдохните, колеса.
Где хочешь, с дороги сверну.
Рыбалка, палатка у плеса...

Вот так бы объехать страну.
Лопарская, Тайбола, Кица,
Пул-озеро, Монче-гора...
К земной красоте причаститься,
На Землю спуститься пора.
От тесных отсеков, приборов,
От смрада плохих новостей,
От длинных пустых разговоров,
Придуманных драм и страстей.
Лавозеро, Ревда, Высокий,
И вас в своем сердце храню.
И «Чум» – ресторан одинокий,
Где славят саамов меню.
В Оленьей сестра моя Злата
У озера Пермус живет,
Грибами, брусникой богата
И в гости давно меня ждет.
Мне любви седые Хибины,
И Имандры светлая даль,
И ягодной тундры трясины,
И серого неба печаль.
Я древнюю книгу листаю
Под тихую музыку шин,
В дороге по Кольскому краю
С простором один на один.

Вот и прошла, отшумела штормами моя одиссея

Вот и прошла, отшумела штормами моя одиссея.
В древней столице России я бросил свои якоря,
В доме высотном живу на углу шумных улиц московских,
Мир озираю, как птица в гнезде, с высоты десяти этажей.
Мчатся машины вниз, словно в горном ущелье река,
И облака проплывают над крышами джунглей бетонных.
Вечно гудящий, чадающий, огромный и суетный город,
Ветром каким здесь наполнишь усталой души паруса?!
Только поэзия светом волшебным разбудит мне память,
Словно солёные брызги морей оросят вдруг лицо,
Или в далёкой избушке лесной запоют за окошком
Светлой печалью о детстве моем проливные дожди...

Могильщик

Заступник флота – адмирал —
Стоял в высоком кабинете,
Он за морскую мощь в ответе,
Не страшен с ним девятый вал.
В окне – привычные картины,
Его судьба – подводный флот,
У субмарин лоснятся спины,
Через залив буксир идет.
Он выступал за сокращенье,
Он добивался перемен,
Подводной службы улучшения...
Душа не выдала измен.
Флот, погибая, не сдавался.
На дно под флагом гордым шли.
Матрос слезами обливался,
Свои взрывая корабли.
Но, как ненужную скотину,
Сегодня губим крейсера.
За ноздри и – под гильотину,
Как будто войн прошла пора...
В который раз в двадцатом веке!
Опять все снова начинать?!
И вот сломалось в человеке —

Теперь его не удержать...
Цусима! Флота больше нет!
И, все предвидя в полной мере,
Он вынимает пистолет
И ставит точку на карьере.
Могильщик флота – адмирал —
Упал в высоком кабинете.
Свистит над бухтой злобный ветер,
И рушит все девятый вал.

Победившие смерть

*Памяти экипажа подводной лодки
«Комсомолец».*

Поминальным крестом над судьбою моей
Монумент вознесён у полярных морей.
По гранитной плите, пофамильно, подряд
Вспоминаю друзей нестареющих взгляд:
Девятнадцать в гробах проводили домой,
Двадцать три океанской накрыты волной.
И седьмого апреля в трагический час
Завывают гудки в гарнизоне у нас.
Отсвистели метели, капли стучат
Не для тех, кто в бронзе звенящей распят.
Безутешен отец, понимал бы – в войну...
Со слезами цветы – на волну, в глубину.
Равнодушно волна принимает венки,
Ледяна вода, и ветра не легки...
Лишь на гребне волны смельчаков узнают —
Победим, доживём, о «Варяге» поют...
На посту, на плоту, до последних минут
У беды на краю не сдаются – поют!
Голоси же, сирена! Раздайся, салют!
Победившие смерть никогда не умрут:

И в делах, и в мечтах сыновей и друзей,
И в груди материнской России моей.

На причале разлуки

На причале разлуки
Только ветер и даль.
Опускаются руки,
Обнимает печаль.
Здесь тоска валунами
И угрюмый прибой,
Здесь шторма между нами,
Между мной и тобой.
Вот и кончились сборы —
Суета, маета,
Наши вечные ссоры —
Все не то, да не так.
Гаснут краски и звуки,
Глухота, немота.
На причале разлуки —
Пустота, пустота.
Лишь тоска валунами
Да угрюмый прибой.
Океан между нами —
Между мной и тобой.

Выпускникам

Распахнута клетка, летите, летите!
Всё ваше – земля и лазурная даль.
Мы плачем, ребята, вы нас извините.
В разлуке всегда и слеза, и печаль.
Ведь в жизни не только успех да удача.
Вас ждут испытанья, утраты, борьба.
Но верим, с ответом сойдётся задача,
Примерный наш «В», непутёвый наш «А».
Осталось внизу всё, чем с детства вы жили:
Подводные лодки, морской гарнизон.
Где сопки седые, озёра большие
И зелень фиорда, как радостный сон.
А горстка домов у черты океана
И есть Заозёрск – родовое гнездо.
Летите, летите, не поздно, не рано —
В дорогу пора, ваше время пришло.
Останутся с вами до смертного часа
И трели звонка, и друзей голоса,
Мечта о любви из соседнего класса
И вслед устремлённые мамы глаза.
В прощальном полёте над Западной Лицей
Качните своим благодарным крылом.
К высотам смелее, мы будем гордиться.

Но, что б ни случилось, мы любим и ждём.
Распахнута клетка, летите, летите!
Мы радости слёзы украдкой смахнём.
Вы только в душе навсегда сберегите
Всё то, что мы Родиной милой зовём.

Мы «мама» лепечем впервые...

Мы «мама» лепечем впервые,
Едва приоткрыли глаза.
И маму зовут чуть живые
В смертельной тоске голоса.

На том ли, на этом ли свете
Тревожатся мамы о нас,
Являясь в молитве, в примете,
В подсказке в трагический час.

И я, как и в детстве бывало,
Когда оборвётся в груди,
Родимую вспомнил сначала.
Надёжнее SOS не найти!

В отсеке хрипел еле-еле,
Но принят сигнал мой живой.
Душа ещё держится в теле,
Пока это слово со мной.

И с жизнью не кончены счёты.
Я верил, спасенье придёт:
Сквозь лёд, на любые широты

Подводная лодка всплывёт.

Победой обрадовал маму.

И кончился тягостный сон.

Хоть нежную ей телеграмму

Не скоро вручил почтальон.

Василий, запиши меня в ЛИТО

Василий, запиши меня в ЛИТО!
Авось не догадается никто,
Что я в Москве досуги провожу.
По сути, я по-прежнему служу.
Как ты, да не сразит тебя цинга,
Люблю я флот, и чистые снега,
И край, где речка Западная Лица,
Как я, в моря студёные стремится.
Я навсегда прописан там душой.
Хоть прок от той прописки небольшой —
На континенте знать не знают флот,
И прав для въезда в город не даёт...
Но всё равно ещё разок охота
Взглянуть на мир с вершины Бегемота.
Я с Леной Лугинец ещё спою
Про молодость ушедшую мою.
Нам подпоёт Ромэо Кванчиани,
И Низин подыграет на баяне.
Ах, Лена Грабовенко, я молчу,
Поцеловать Вас за стихи хочу.
Всем руку жму вам. Вот хороший знак —
Причалил к музам Алексей Буглак.
Ничто не позабыто и никто!

Василий, запиши меня в ЛИТО!

Эх, получить бы направление...

Эх, получить бы направление
На избавленье от годов.
Уж проявил бы я терпение.
Уж я за этим направлением
И годы выстоять готов.
Меня б спасли врачи военные,
Обрезав раз и навсегда
Года больные, злые, вредные,
Осточертелые года.
Где юность горечью приправлена,
Полынным ветром дальних стран.
Любовь изменами отравлена,
Тоской измерен океан.
Да улететь бы в Теребаево —
Деревню в северной глуши.
Там, где Чар-озеро, Бабаево,
Великий Устюг, Караево,
Никольск, Блудново, Вырыпаево...
Ты там ищи меня свищи.
Возникла там моя фамилия,
Там тихий город Белозерск,
На Белом озере – идиллия.
Там есть ещё дремучий лес.

В нём ёлки древние, косматые
И заповедник тишины.
Лишь утром певчие пернатые
Разбудят ласковые сны.

Друзья мои, стихи, спасибо, что случились

Друзья мои, стихи, спасибо, что случились,
Украшив жизнь мою в безрадостные дни.
И пусть не знают вас читатели России,
Я верю, что не век томиться вам в пыли.

На мусорном дворе какой-нибудь мальчишка,
Листая у костра редакционный хлам,
Прочтёт однажды стих о Полюсе, о мишках,
Помедлив жечь листы, и улыбнётся вам!

Других вам перспектив, увы, не обещаю.
Обложкой дорогой не вам украсить мир.
Но знаю я, что там, где жизнь идёт по краю, —
В отсеке, под водой прочтёт вас командир.

Простите, ни продать, ни петь вас не умею.
Довольно и того, что разослал друзьям.
Идите дальше в жизнь дорогою своею:
На свет из глубины – не к полкам, а к сердцам.

Как много нас – играющих в слова

Как много нас – играющих в слова!

Поэтов же, известно, единицы.

На целый век – один, от силы два,

В чьём творчестве эпоха отразится.

Они по центру и побед, и бед.

Они искусству служит беззаветно,

И звание высокое поэт

В России обретают лишь посмертно.

В любом столетье судьбы не легки

Причисленных к великому сословью.

Поэзией становятся стихи,

Когда их пишут собственной кровью.

Пути другого не было и нет,

Но он придёт, он явится – Поэт!

Поэтов узнают по чудесам

Играть в слова – не значит быть поэтом.

Поэтов узнают по чудесам.

Зажги снега и опьяни рассветом,

Дай воздуха забытым парусам.

Бренчи на струнах ямба и хорея

Иль просто чушь задорную неси,

Но так, чтоб сердце торкнулось сильнее,

Для жизни новой душу воскреси.

Чтобы она царевною из сказки

От слов очнулась, полная мечты.

Чтоб заиграли радостные краски.

Тогда поэт, тогда художник ты.

За полёт души

Я видел бабочку у пламени свечи.
Напрасны доводы. Любуйся и молчи.
Вот наша участь: до скончания лет
Поэты – бабочки, летящие на свет.
Не с теми мы, кто в темноте, в тиши.
Полней бокалы. За полёт души!

Явись!

В годину тяжких испытаний,
Испепеляющих сердца,
Являл господь Руси певца,
И утихала боль страданий.
Полки славянские разбиты.
Плач Ярославны на стене
Понятен болью всей стране,
И с половцами будут квиты.
Мамай с ордою свирепеет,
Но Сергей льет молитвы свет,
И выезжает Пересвет
На бой открытый с Челубеем.
Кровавой распре нет предела,
Но пел Есенин на Руси:
«О душу, Господи, спаси!»
И темная душа светлела.
И танками растерзана
Была моя страна,
Но пела Русь свободная,
И «ярость благородная
Вскипала, как волна».
От боли – чувства на защелку,
Но всходит Дудина звезда,

И соловей его тогда
В кустах сиреневых защелкал.
Недавние года летели,
Пора застоєм названа,
Но пела песни вся страна,
Я подтверждаю, пели, пели!
Проблемы с водкой и сырами,
В очередях, как в страшном сне,
Но слышен Вознесенский: «Не
Троньте музыку руками!»
Водой живительной в пустыне
Для душ поэзия была,
И в лихолетия цвела
Цветком пленительным, а ныне?
И глух, и скучен финиш века.
Кричат и теле, и кино,
И диски лазерные, но —
Все меньше, меньше Человека.
И я, несчастье видя это,
К светилам руки заломя,
Молю: «О, Русская земля!
Яви, яви скорей поэта!»
Пустынным зноем дышит высь.
Мамона властвует умами.
Скудеет дух, тускнеет пламя.
И я шепчу: «Явись! Явись!

Как солнце Пушкина взошло
В террора годы роковые,
Так ты с униженной России
Сними молчания клеймо!»

Памятник поэту

Наденьте шапку на Рубцова.
Позёмка. Холодно ему!
При жизни мёрз и в бронзе снова.
Нам это видеть ни к чему!
Многопудовым истуканом
Застыл у Вологды-реки.
Не пожалели, скажем прямо,
Ему металла земляки.
До слёз знакомые приметы:
Пальтишко, шарфик, чемодан...
Но разве суть поэта в этом?
Ему был дух могучий дан!
Он знаменит не тем, что в ссоре
Крещенской ночью был убит,
Хоть правда в том, что это горе
Нас всех особенно роднит.
Не тем, чего обыкновенней,
Любил моря и корабли,
А тем, что Пушкин и Есенин
В нём продолжение нашли.
Ему бы памятник в столице!
Ему ли мёрзнуть в тишине?!
Пусть светлым отроком он мчится

На легкокрылом скакуне!
Нет многотомных сочинений,
Но есть любви волшебный дар.
Рубцов – гонимый русский гений,
Но ждёт его Тверской бульвар!

Поэзии ручьи

Туда, где мама с папой веселы,
И дни, и ночи радостно светлы,

Где в поле ржи высокой – васильки,
А омуты на речке глубоки,

Где жаворонок в вышине поёт
И бесконечен жизни хоровод,

Где мы с тобой от ветра и лучей,
А поцелуи солнца горячей.

Туда, туда, где от судьбы ключи,
Умчат меня поэзии ручьи!

Прошу друзей

Светлой памяти поэта Николая Рубцова.

Прошу друзей меня не помнить жертвою.
Я был поэтом и погиб бойцом!
И вам дрожать по жизни не советую.
Пугают часто нас и финкой, и свинцом...

Но без конца твердить об этом стоит ли?
Да, я бывал и пьян, и груб, и тих...
Но если вы вниманьем удостоили,
То вот мой труд, мой крест, мой путь – мой стих!

В нём всё, что знал, душой моей измерено.
Я об одном хотел бы вас просить,
Чтоб книжка не была моя затеряна,
Об остальном вы можете забыть!

Пустынник

Себя услышать – это трудно.

Приятней хором подпевать

И спать духовно беспробудно,

От телевизора – в кровать.

В лесной глуши трудился Яшин

На склоне дней, на склоне лет,

Чтоб стать поэтом настоящим.

Пути другого просто нет!

Как он – пустынный одинокий —

Пройду ли я пески Сахар,

Чтоб отыскать родник глубокий,

Как он нашел, как он искал?!

Поэт-юродивый

Хоть я без шляпы и штиблет,
Но сожалений нет.
Всегда и нищ, и гол поэт —
Юродивый поэт.
А вы дрожите за кусок
До гробовых досок.
Вот и ушли водой в песок
Талант и жизни сок.
Достаток есть, а счастья нет,
Поэты, драмы нет.
В лохмотья жалкие одет,
Но светится поэт.
В душе его затмений нет.
Пусть в рубище из бед,
Но он богаче вас, поэт —
Юродивый поэт.
Но и о вас, сомнений нет,
Увидит надпись свет:
«В душе был истинный поэт,
И прожил как поэт».

Село асфальтом тянется к парому

Село асфальтом тянется к парому.
Ещё чуть-чуть, и вот оно – шоссе!
И заживёт деревня по-другому,
По-новому, с удобствами, как все.

Такси, предприниматели, туристы,
Матрёшки, лапти, зыбки, коробка...
Налыют тебе по двести и по триста.
Гостиница – старинная изба.

Божница, лавки, низкое оконце
И на стене черёмух кружева.
Влезай на печь (когда ещё придётся?!),
Жива избушка! И земля жива!

И храм у речки, это непременно,
Воссоздадут – колокола, кресты...
Всё здорово, гламурно, современно!
Но, Русь Святая, разве в этом ты?!

Как дорого обходится известность!
Повытопчут рубцовский уголок.
А он хотел, чтобы вот эту местность

«Хотя б вокзальный дым не заволок».

На речке Толшма

На речке Толшма музыка и смех.
В селе Никольском нынче День Коровы.
А я, сбежав от праздничных утех,
Пошёл гулять на улицу Рубцова.

Навстречу стадо тучное идёт,
И все бурёнки, чувствуется, рады.
Вручает губернатор каждый год
За масло вологодское награды.

В избе старинной, где сейчас музей,
Я записал, уж пусть простит корова:
– Привет, деревня, мать России всей!
Спасибо за поэзию Рубцова!

4 августа 2007 г.

Ключ к поэзии

Ключ к поэзии Есенин
Отчеканил на века —
«Отелившееся небо
Лижет красного телка...»
У Рубцова – по-другому,
Но, поверьте, тот же смысл —
Нужно просто превратиться
В «дождевой веселый свист...»
Полюби до превращенья
Поле, лес...
До возвращенья
Сам к себе из суеты.
И тогда – художник ты.
И тогда увидишь свет,
Как философ и поэт.

Великий Устюг – наш Китеж-Град

Художнику В. Н. Латынцеву

И чудный город от глаз ордынцев
Ушёл под воду, гремя в набат...
Поведал правду о том Латынцев.
Великий Устюг – наш Китеж-Град.
Не в Светлояре закат откроет
На склоне дня купола, кресты —
На русском Севере над рекою
Соборы сказочной красоты
Стоят людьми и Богом хранимы
Единым строем, за храмом храм.
Как будто витязи перед боем
Пришли помочь ослабевшим нам.
Теснят нас снова, берут измором.
Ещё чуть-чуть, и очаг потух.
Но рано каркаешь, чёрный ворон, —
Живёт, не старится русский дух.
Из недр сознания, сквозь тьмы ордынцев
Всплываем. Громче гуди, набат!
Святую Русь воскресил Латынцев:
Великий Устюг – наш Китеж-Град.

Северных увалов Эвересты

Северных увалов Эвересты
Стерли в пыль однажды ледники.
Никому сегодня не известны
Косогоры Кипшеньги-реки.
Дом стоит у речки на угоре,
Окна в даль лесную устремя.
Вот отсюда и земля, и море
И берут начало для меня.
Ничего придумывать не надо —
Родина там на закате дня
Матерью стоит у палисада
И глядит на взрослого меня.
Мама мне однажды так сказала
(Я на горы с завистью глядел):
– Слава не в алмазных перевалах.
Пусть растут на северных увалах
Эвересты ваших добрых дел.

Саров

Здесь средоточье двух начал:
Молитв и физики законов.
Здесь Бог победой увенчал
Расчёт отважный Харитона.

Куда наука стелет гать?!
И в ад, и в рай открыты двери.
Наш ум стремится точно знать.
Душа желает страстно – верить!

Учёные не ждут даров,
Но дух присутствует незримо.
И свято верует Саров
В простую правду Серафима.

Город первой любви

Опять в душе моей цветет
Сирень в весенний час,
И камни Золотых ворот
Соединяют нас.
Горят на солнце купола
Там золотом по сини.
Прекрасны дерзкие глаза,
Прекрасен храм Софии.
В убранстве бело-голубом
Андреевская церковь
Парит, как чайка, над Днепром,
Над жизнью и над смертью.
Каштаном буйно расцвела
Владимирская горка.
Под сенью первого креста
Не первая размолвка.
Но все печали вдалеке,
В левобережье синем.
Ее рука в моей руке,
И нет ее красивей.
Вот здесь восторг любви узнал,
Непониманья муки.
Души бесценный капитал:

Те встречи, ссоры, звуки,
Прикосновения, духи,
Пожарище заката,
И песни те, и те стихи,
Любимые когда-то.
Курсантский якорь золотой
Да гюйс матросский синий.
Мечта и молодость со мной,
И нет меня счастливей!

Москвичка

Москвичка – лучшее в столице:
Красивей женщин в мире нет!
Люблю и ножки я, и лица:
Ведь мне еще не двести лет.
Когда по солнечной аллее
Богиня юная идет,
Наш древний город молодеет,
Он сам себя осознает.
Как будто вдруг больной очнулся
От летаргического сна,
Так белый лебедь востепенулся,
Так оглушает тишина.
Сквозь гул машин и будней рокот,
Нагромождения эпох
Вдруг слышен шепот, нежный шепот
Ее изящных каблучков.
И знаю я – века летели
И создали для того,
Чтобы вот так вот по аллее
Прошло вот это божество.

Утоли моя печали

Белый город, золотые купола.
Милый ангел, моя Марья в нём жила.
Дивный город сохранил её черты.
Из мечты дворцы и башни, из мечты!

Но без Марьюшки и в тереме тоска.
Не коснётся до плеча её рука,
Не согреет душу нежный синий взгляд,
И реку судьбы не повернуть назад.

Унесли на крыльях лето журавли.
Матерь Божья, землю снегом застели!
Белым, белым покрывалом застели.
Утоли моя печали, утоли!

Жизнь без Мрьюшки – осенняя тоска.
Не махнёт мне из окна её рука,
Не согреет душу васильковый взгляд,
И весну любви не возвратить назад.

Унесли на крыльях счастье журавли.
Душу, душу чистым снегом застели!
Белым, белым покрывалом застели.

Утоли моя печали, утоли!

Перламутровые края

Ухом раковину целую
В перламутровые уста.
К морю раковину ревную.
Пусть очнется моя мечта.
Пусть июль в изумрудной неге
На горячий песок плеснет.
Пусть волна в неумолчном беге
Ножки милой моей лизнет.
Море в раковине воскресло.
Плачет чайкой душа моя.
Шорох, шепот, загадка, песня,
Перламутровые края...

Прилуки

Не помню ярче впечатлений —
Аэропорт, июль, жара,
Монастыря фасад, деревня,
Дурман цветов, любви пора.
Тропинка тихая лежала
Над сонной Вологдой-рекой.
И вологжанка провожала
И увлекала за собой.
Гудели рядом самолеты,
Над лугом бабочки вились,
И нам открылись счастья ноты,
Над нами радуги сплелись.
Две пятки розовых мелькали,
Волос дурманила копна,
Тела объятия искали.
И поцелуй, и тишина...
Глаза, и запахи, и звуки...
И через много-много лет
Все помню. Где ж мои Прилуки?!
Все тот же луг, да радуг нет...
Лечу мечтой к святыне древней,
Хоть все давно забыть пора.
Не помню ярче впечатлений —

Прилуки, молодость, жара.

Золотая ты моя

Золотая ты моя, золотая!
Ты – берёзка на юру, на краю.
Журавли позвали вдаль, улетаю.
Дай с тобой ещё чуть-чуть постою.

Ничего мне больше в мире не надо,
Всё, что в жизни я любил, – это ты.
Бог придумал дорогую награду,
Но вручил лишь у последней черты.

За метания мои и сомненья,
За мечты, за то, что жёг корабли...
Разреши прижать к груди на мгновенье
Перед тем, как раствориться вдали.

Поэзии таинственная сила

Когда и Бога нет, и царь убит,
И тьма неверия окутала полмира,
Поэзии таинственная сила
Нам заменила благодать молитв.

Держали под запретом Книгу Книг,
Но святость мира бережно хранила
Поэзии таинственная сила.
Да не иссякнет слов живой родник!

Вхожу смиренно в храм на склоне лет.
Тщета земного мне давно известна.
И вот учусь креститься троеперстно,
Как завещали бабушка и дед.

Храмы России

Храмы России. Кому помешали
Стражи отеческих наших гробов?!
В селах погосты без них обветшали,
Выпасом став для свиней и коров.
В детстве я взрывом разбужен был рано —
Спор философский решил динамит.
Черным, позорным, гнилым котлованом
С этого дня наш погост знаменит.
Кто-то убогий стремление к небу
Вырвал, как зуб, у округи моей.
Строили серую плоскую небыль
В поте соленом пустых трудодней.
Клуб деревянный, изба сельсовета,
Вам ли украсить луга и поля?!
Храм белоснежный, как радость рассвета,
Помнит деревня родная моя:
Каменный, стройный, красивый, высокий...
Грошик последний, поверьте, отдам
Ради того, чтоб не хлев кривобокий
Строили люди, а солнечный храм.
Чтобы в душе, на руинах в селеньях
Вместо окопов гражданской войны
Ввысь устремленные зодчих творенья

Сказкой украсили детские сны.

За доброту, терпение, участие!

То кролики, то буйволы, то львы...
Теперь вот тигр скребётся в наши двери.
От хищников чего хотите вы?!
В их доброту позвольте не поверить.

Довольно слёз и храмов на крови!
Довольно нравов каменного века!
Хочу ЭПОХУ счастья и любви!
Соскучился по Году Человека!

Полней бокалы, предлагаю тост:
«ЗА ДОБРОТУ, ТЕРПЕНИЕ, УЧАСТЬЕ!»
Ну до чего же он, по сути, прост —
Секрет от человеческого счастья!

У поэтов нет секретов

У поэтов нет секретов...

Балаболка – не поэт!

Я бы так сказал об этом:

Без секретов нет поэтов,

Без секретов слова нет!

Сочиняет, ну и что же?

От фантазий кто не пьян?

Низких истин нам дороже

Возвышающий обман!

Я верю

Говорят, на утро Он воскрес.
Может быть, придумали поэты?
Разгадала тайны всех небес
До Луны доставшая ракета...

Только, если честно, всё равно
Он вокруг, он где-то рядом с нами.
Он глядит в открытое окно
Голубыми вечности глазами.

С ним давно и мама, и отец,
Все, кто вдаль ушли, не скрипнув дверью.
Мне от них принёс привет скворец.
Верю я! Я слушаю и верю!

Фамильный город

Никогда я не был в Белозерске.
Ты меня не спрашивай о нём...
Я в стихах у Лиды Мокиевской
Встретил город, залитый огнём —
Золотом озёрного заката,
Синевой, тумана молоком...
Как кому, а мне, конечно, надо
Неприменно появиться в нём.
И стучат в душе моей подковы,
И летят ко мне через века,
Как в бою на поле Куликовом,
Белозерцы главного полка.
Город – пахарь, и рыбак, и воин,
Мне в отцы назначенный судьбой.
Имени его я удостоен!
Белозерск – фамильный город мой!

Крещение

Тогда ещё в деревне Теребаево
Не взорван был у речки белый храм,
Но старый Бог, не нужным став хозяевам,
Уже ютился в избах по углам.
Меня, зимой морозною рождённого,
Крестила тайно у своих икон
Доверенная Бога «посрамлённого»
Старушка Дарья под ведёрный звон.
Летели дни ватагою студенческой,
Про коммунизм я вместе с ними пел,
Но крестик на груди моей младенческой
В начале жизни всё-таки висел.
И чую, чую – тоненькая ниточка
Из прошлого на мне не прервалась.
До Бога есть в душе моей калиточка,
Есть с предками невидимая связь.
И если спросят – где же покаяние?
Скажу им честно – не по вере жил.
Но попрошу отметить в оправдание —
Отечеству по совести служил.

За земляков

За земляков, за вас, мои друзья!
За землю, без которой нам нельзя!
За наши корни в северных лесах!
За наши храмы, наши небеса!
Туда душа стремится журавлём.
За всё, что милой Вологдой зовём!

Русский лес

Он и светел, он и тёмн,
Как душа, наш русский лес,
И укромен, и огромен,
Полон сказок и чудес.

Забушует ночью грозной
И притих дождём умыт.
То трещит зимой морозной,
То кукушкой говорит.

Полон жизни, полон света,
Он беседует со мной.
Весь пропах зимой и летом,
Земляничкой и сосной.

Не один я здесь – нас двое,
Кто-то смотрит на меня —
Промелькнёт в тенистой хвое,
Зашуршит в траве у пня.

Что там бор смолистый прячет?
Кто скрывается во тьму?
Кто там жалобно так плачет?

Не известно никому!

Моему поколению

За что любить нас нашим молодым,
Как мы отцов-фронтовиков любили?
За то, что мы Россию развалили?
Ни армию, ни флот не сохранили?
Развеяли величие, как дым?

Мы – сыновья, предавшие отцов,
Солдаты, позабывшие присягу.
Вперёд ни шагу, и назад ни шагу.
Глупцы и трусы, племя подлецов!

На кладбище, смятением объят,
Завидую отцовскому покою.
Нас даже там – за гробовой доскою —
Потомки за измену не простят!

На паперти

Светлой памяти А. П. Попова.

Во мне однажды лопнуло терпение,
Меня, как флот, сорвало с якорей.
И я шагнул в иное измерение,
Где нет земных законов и царей.

Пусть рожь, как чугун, сегодня грязная.
В лохмотьях я, но нет душевных мук.
Помойка не такая уж заразная,
Поверьте мне – поклоннику наук.

На самом дне, в убогом окружении
Я завершу свой по планете путь.
Но знаю: Бог, Он в нашем измерении —
Не кинуть, не убить, не обмануть!

На паперть босиком иду, как водится,
Приму плевки и деньги без обид.
И пропою о том, что Богородица
За Ирода молиться не велит.

С мечтой о счастье, мире, плодородии,

С толпой убогих, нищих и калек,
Россия, Русь – святая моя Родина,
Твой сын вползает в XXI век.

Была бы любовь

Кто весел, друзья, тот уже не бедняк.

– Твой смех без причины, – кричат, – дурачина!

В котомке сухарь, и того половина...

– Нас Вера питает, а деньги – пустяк!

Кто весел, друзья, тот уже не бедняк.

А солнце, а лес, да друзья, да свобода...

Нам впрочем по нраву любая погода.

– Была бы Надежда, а дождик – пустяк!

Кто весел, друзья, тот уже не бедняк.

Бедняк по подвалам над золотом чахнет,

Трясётся, не спит, подозрительно пахнет.

– Жила бы Любовь, остальное – пустяк!

Лермонтов

Он не был «лишним человеком» —
Активный, любящий, живой.
Поэт, художник – вровень с веком.
Гусар, боец, готовый в бой!

Извечна гения загадка.
Когда успел он повзрослеть?
Как смог в течение жизни краткой
Так много сделать, думать, сметь?

Набух грозой Бешту двуглавый.
Забыть скорее глупый спор
Спешит поэт – любимец славы,
А не трагедией кровавой
Смутить покой любимых гор.

Нет, он не Демон, не Печорин.
Ему победа не грозит.
Как день, однако, этот чёрен,
Как речка Чёрная... Убит!

Завет

Довольно смут и распрей, россияне!
Не дрогнет стяг Московского кремля.
Наш общий дом мы обустроим сами.
Посевов добрых заждалась земля.

Довольно по селеньям рушить храмы
И памятники древние вождям.
И да пребудет мудрость предков с нами!
И да поможет возродиться нам!

Пусть счастье жить, богатство и свободу
В стране надёжно защитит закон.
И пусть над каждым именем народа
Господствует в России только он!

Свою страну от края и до края
Мы превратим в один цветущий сад.
Мы, никому мечом не угрожая,
Свои полки выводим на парад.

Завет душа народа сохранила,
Ему сегодня гимнами греметь:
«Сплочённая Россия – это сила,

Которой никому не одолеть!»»

Постоим же за Россию!

Нам не мечтать, друзья, о тишине —
Стреляют. На войне как на войне!
Слова, как пули, фильмы, как фугас.
И только правда выручает нас.

Идёт война. Жестокая война!
В сетях паучьих корчится страна.
Эфир и пресса – тот же Сталинград.
Так постоим же за Россию, брат!

Прицельной ложью срежет наповал
В газете перекупленной подвал.
И подлецом состряпанный сюжет
Покажет всем, чего в помине нет.

Сегодня мы в ответе за страну.
И потому – забудем тишину.
Пока бесчинствуют газеты и эфир,
Для нас, клянёмся, не наступит мир!

Мы победим паучий произвол,
Мы в гроб ему загоним крепкий кол.
Не устрашат ни пули, ни фугас,

Ведь солнце правды согревает нас!

Взгляд подросших сыновей

Как тяжело и с каждым днем труднее
Глядеть в глаза и жен, и дочерей.
Но нет на свете ничего больнее,
Чем злой укор подросших сыновей.
Потерян Крым, гниют ракетноносцы,
«Варяг» за деньги на иголки сдан,
Но не спешат в объятья крестноносцы
На братский зов наивных россиян.
Забиты окна в Балтике и в Черном.
О, Петр Великий, слышишь ли, ответь?!
Доколе нам в бездействии позорном
Бесчинства разрушителей терпеть?
Стоят станки, сиротствует наука,
С Чечни идет войны девятый вал.
Прижми, жена, к груди покрепче внука:
Сын в Грозном до черты не добежал.
Мы все давно у судей на примете.
Мы обманули, предали детей.
Нет ничего позорнее на свете,
Чем прятаться за спины сыновей.
Ребята, я навеки не в запасе.
Я с вами, я на смертном рубеже.
Простите, слаб. Простите, бой опасен.

Но я поднялся, я бегу уже.

Россия знала времена ужасней.

Но правда в том, что не было подлей.

И нет на свете ничего прекрасней,

Чем строгий взгляд подросших сыновей.

Дума

Думу думает Дума умная,
О Россиюшке льётся речь.
Да Россиюшку Думе умной той
От лихой беды не сберечь.
Понадеялась мысль боярская,
Что заморский гость подсобит.
Да сгущается тьма татарская,
Злое времечко в дверь стучит.
Понахлынули злые вороги
Дань великую собирать.
Жизни русские им не дороги,
Им на край святой наплевать.
Дочерей моих увели в полон,
На чужбинушке горьки слёзы льют.
Сыновья мои, позабыв про сон,
На грабителей горды спины гнут.
Стон кругом стоит, кружат вороны.
Губит силушку мор и глад.
Но на честный бой против врага
Слать дружинушку не хотят.
Где наш светлый князь —
Добрый батюшко?
От боярских Дум что нам ждать?

Где отыщется вольно полюшко,
Чтобы горюшку битву дать?

За деньги можно все купить...

За деньги можно все купить:
Квартиру, женщин, «Мерседес»,
Здоровье, славу и конгресс,
И вкусно есть, и сладко пить.
А счастье сможете достать?
Чтоб женщин, славу, «Мерседес»,
Здоровье, золото, прогресс
Забить хотя б минут на пять?
Чтоб снова свежим, полным сил
Бежал по утренней росе
Во всей земной своей красе
И ничего бы не просил.
А ну, купи любви кусок,
Чтоб смог обнять весь белый свет
За лишь один ее привет,
Увидев туфельки носок.
И не найдешь за триллион
Ты вдохновенья для поэм,
Когда лежишь и глух, и нем.
Не продается вещей сон.
Да, я поверю наконец,
Что царь отправился пешком
В холщовом рубище с мешком,

Корону бросив и дворец.

Послушайте, все это было!

Послушайте! Все это было!
Бабы заголосили
И мужики России
Телами гати мостили,
В штыки на танки ходили,
От злобы и боли выли,
Прикладом броню гвоздили.
Не верьте в умильный Запад.
От Запада – трупный запах.
И Мессершмитт, и Крупп —
По-прежнему жадный спрут.
За горло держат весь мир,
Лишь сила – для них кумир.
В двадцатом веке «мессия»,
Любящий блеск и шик,
Дважды вогнал в Россию
Хваленый германский штык.
Послушайте! Все это было!
И все повторится опять,
Как только поймут, что в России
Нечем больше стрелять.
Во имя женщин России
Ракеты ее спасите!

Во имя детей России
Танки ее спасите!
Для мужиков России
Подводные лодки спасите!
Во имя святой Руси
Силу ее спаси!
Надежду её и оплот —
Армию нашу и флот.

Камчатка

Камчатка – это очень, это очень далеко!
Представить даже страшно и добраться нелегко.
Внушает уважение Великий океан,
Дымит и сотрясается Авачинский вулкан.
Горячие источники там бьют из-под земли,
Из бухт в моря восточные уходят корабли.
На мысе потрясающем отважен, как пират,
Живет неунывающий мой добрый старший брат.
С утра встречает солнце он и шлет его ко мне.
В Москве приветом пламенным горит оно в окне.
Камчатка – реки быстрые, леса, вершины гор,
С Камчатки начинается Отечества простор.
Я не хочу в Америку, в Европу не хочу.
В «Светелку»¹⁷ я к Санееву¹⁸ за светом полечу.

¹⁷ «Светелка» – литературная гостиная в доме писателей Камчатки.

¹⁸ Санеев Николай Васильевич – секретарь камчатской писательской организации.

Мертвящее мерцанье монитора

Мертвящее мерцанье монитора,
Мобильника короткий поводок.
Есть кто живой? Я здесь, я тот, который
От счастья скачет, как сбежавший дог.

Я вас люблю! Хочу лизнуть вас в лица.
Но где они? Какой украл их вор?
Сегодня обезличена столица —
Вместо лица мерцает монитор.

Пожелание

Любовь – это когда весна,
Но даже когда осень,
Вдруг жизнь лучом озарит она,
Как солнце утром вершины сосен.
Любовь – это когда зимой,
Любовь – это когда летом
Вдруг шальные ветры зовут с собой
И опьяняют рассветы.
Это когда цветы,
Это когда закаты,
Это когда мечты,
Это когда фрегаты...
Пусть вас ласкают и дождь, и снег!
Радуют пусть и жара, и холод!
Пусть, как бокал, будет ваш век
Нежным напитком любви полон!

Молчит мобильник

Молчит мобильник в Новый год и в юбилей...

Не денег не осталось в нём – друзей.

Тот – богатеет, тот – лежит на дне,

А этот – растворил мозги в вине...

Все лучшие (хоть плачь, хоть волком вой!)

Ушли со связи, спят в земле сырой.

Совершенство

Уступят ножки женские едва ли
Бессмертному творенью Страдивари.
Ведь совершенство нам дается зримо
В точеных ножках женщины любимой.
И, как родник, мелодия чиста,
Когда поют любимые уста.
Закон старенья, время, отмени!
Как чудо-скрипку ножки сохрани.

В объятиях любви

На бумаге я слова зарифмовываю,
Как послание любви зашифровываю.
Чувства нежные к тебе я испытываю.
Я эфир земной любовью пропитываю.
Ты услышь меня, родная, услышь!
Верю я, что в этот час ты не спишь,
И на волнах в ноосфере Земли
Ты в объятиях моих, мы одни.
Не коснутся нас земные года.
Мы в пространствах среди звезд навсегда!
Чувства нежные свои зарифмовываю,
Как послание любви зашифровываю.
Нежность вечную к тебе я испытываю.
Весь эфир земной любовью пропитываю.
Не коснутся нас земные года.
Мы в объятиях любви навсегда!

Я буду жить

Я знаю, что, как все, в свой срок умру.
А по весне, как все, и я восстану.
Не по-библейски и не по Корану —
Цветком, былинкой, сосенкой в бору.
Я буду жить в росинке и в ромашке.
В загробном царстве не ищи мой след.
И на последней на моей рубашке
Карманов, как у всех, я знаю, нет.
Я голым в мир пришел, ни с чем уйду.
Всем существом к планете припадая,
Собой продолжив жизни череду.
И счастлив я, и мне не надо рая.
А как душа? Не пропадет она.
Она в делах, в девчонках и в мальчишках,
В дворцах, машинах, на полотнах, в книжках.
Она бессмертна и на всех одна.

Над синей далью

Над синей далью, словно в небе, скит.
Здесь даже время беспробудно спит.

Идёт к скиту с котомкою монах,
Земной лаптями попирая прах.

Согнуло время инока дугой.
Он скоро вечный обретёт покой.

Мелькнёт секундой за спиною век,
И навсегда исчезнет человек.

Уйдут тревоги, радости, печаль...
И будут вечно лишь покой и даль.

И ночь, и звёзды, и Луна

Во дни крутых я самый некрутой.
Люблю Луну, способствую науке.
Учитель в школе, благородной муке
Предался здесь и в том обрёл покой.
Горжусь я тем, что самый некрутой,
Пишу стихи и сказки сочиняю,
Сиянье глаз ребячьих примечаю
При звуках песен, сочинённых мной.
Бываю счастлив я от чепухи:
Мечтой туманя глазки голубые,
Девчонка скажет: «Развелись крутые,
А мне так Ваши нравятся стихи!»
Тем наградит за муки все сполна.
Пускай редактор стих мой не приветит,
Но знаю я, что он кому-то светит
Огнём свечи с заветного окна.
Мне ненавистна в людях крутизна
И горы мышц с потухшими глазами.
Да будет нежность и участие с нами,
Да будут ночь, и звёзды, и Луна!

Лучший из снов

Приходит всё реже
Мой лучший из снов.
Как солнце ночное – она.
Всё та же улыбка
И музыка слов,
И будто со мною нежна.
И пусть наяву
Все пути замело,
Но после такого сна
Надолго мне в мире
Пустом тепло,
И даже в метель – весна.
И сладкое зелье
Вот этого сна
Пока я по капле пью,
Весь мир, где однажды
Явилась она,
Я всё же люблю. Люблю!

Октябрьское поле

Октябрьское поле – она здесь жила.
Октябрьское поле – была не была.
Октябрьское поле – постой, погоди.
Октябрьское поле – я должен сойти.
Вот в этой вот школе училась она,
Вот здесь мне махнула рукой из окна,
Вот в этом я сквере ее целовал,
У этой вот двери домой провожал.
Здесь ей – восемнадцать, а мне – двадцать пять.
Как грустно прощаться, как сладко обнять.
И так же стучали вдали поезда,
Когда расставались мы с ней навсегда.
И нет оправданий, и горек разрыв,
Но давних свиданий чарует мотив.
«Октябрьское поле» в столичном метро.
Ни горя, ни боли, что было – прошло.
Октябрьское поле – и память жива.
Октябрьское поле – не только слова.

Скажи еще раз те слова

Я перед зеркалом стою,
Устало руки уронила.
Прическу гордую мою
Досрочно жизнь посеребрила.
Что толку зеркало винить?!
Поблажек я и не хотела.
Не для себя цвела и пела.
Есть счастье трудное – дарить.
Да, я красивее была,
Тебе и детям подарила
Я красоту свою, мой милый.
Так ты сказал, я все мила?
Скажи ещё раз те слова,
Чтоб стали лучиком морщинки,
Чтоб стали искрами слезинки,
Чтоб обманули зеркала.
Уже не с нами сыновья.
Как быстро годы пролетели?!
Мы оглянуться не успели —
В квартире нашей ты да я.
Мой друг, покрепче обними,
И на встревоженной планете
Мы праздник наш с любовью встретим

И вспомним солнечные дни.
Скажи, скажи мне те слова!
И станут лучиком морщинки,
И будут искрами слезинки,
И пусть обманут зеркала!

Мелькают скорые года

Опять весна, а там и лето.
Но как, однако, быстро это!
Мелькают скорые года,
Как у перрона поезда
Или картинки на экране.
Не жизнь, а дней и лет мельканье.
Кто б догадался намекнуть —
Какая в этой гонке суть?
Какая бешеная сила
Года мелькать приговорила?
Какую цель имел творец?
Да есть ли смысл-то наконец?!

Про берёзу

Завалил я белую берёзу
И потом в безлиственной тиши
Выпил водки, вытирая слёзы,
За помин берёзовой души.
Проводам электропередачи
Не мешают ветви наконец.
Что же я не радуюсь, а плачу?
Ту берёзу так любил отец!
И скворец весной на ней селился,
И держался за неё забор...
Пусто стало! Что же, пей, убийца,
Да бросай красу земли в костёр!
Плодоносят грядки и кустарник,
Не пугают молнии и гром,
Бодро врёт электроматюгальник.
Всё идёт обычным чередом.

Россия – купола, колокола!

Россия – купола, колокола.
Хвала бывшему, господу хвала!

Не небоскрёбы – взоры наши ввысь.
Смирись, душа, пред вечностью смирись!

Нам только вечность и в любви судья.
Нам только повод для молитв – Земля.

Светла молитва, и любовь светла.
Россия – купола, колокола!

Напиши

Напиши, я прошу, напиши,
Через пропасти лет напиши,
Через целую жизнь напиши,
Напиши!

Озари, я прошу, озари,
Жизнь мою пером озари,
Как лучом долгожданной зари,
Озари!

Не умел я ценить твоих строк,
Не заметил любви в них и сжѐг,
В пекло лез, убежал без дорог...
Мой бог!

Как тогда, ни о чём напиши,
Через пропасти лет напиши,
Через целую жизнь напиши,
Напиши!

Озари, я молю, озари,
Жизнь мою парой строк озари,
Как лучом долгожданной зари,

Озари!

Трава забвения

Дома простые и особняки
Затягивают тлен и сорняки.
В деревне, где поленницей дрова,
Взошла трава, забвения трава.
Мой дом родной на берегу реки
Затягивают тлен и сорняки.
Помогут ли красивые слова?!
Неумолимы время и трава.

Пока грустит прекрасная Елена

Глубоким смыслом жизни дни наполнив...
Над чем, учёный, репу морщишь ты?!
Чтобы любить и женщин, и цветы
Нам не нужны ни интеграл, ни корни...

Душа моя, отдайся умиленью!
Забудь про смысл, с потерями смиришь!
Пусть чудными бывают лишь мгновенья,
Но лишь они оправдывают жизнь!

Пока грустит Прекрасная Елена
Над розами вечернею порой,
Да вы постройте сотни новых Трой,
Мы бросимся спасать её из плена.

Отдайте ветру

Сгорают дни, всё превращая в пепел.
Скорбит душа, но ей неведом страх.
Из всех стихий я выбираю ветер,
Ему доверьте мой летучий прах.

Однажды ставни вылетят из петель,
И будет вечер горек и уныл.
Но скажешь ты: «Опять бродяга-ветер,
А с ним и тот, который не забыл!»

Судьбою шторм играет в чёт и нечет.
Когда ударит в борт девятый вал,
Произнеси: «Какой могучий ветер,
А с ним и тот, который обнимал!»

И будем вместе мы на белом свете.
И потому душе неведом страх.
Из всех стихий я выбираю ветер,
Ему доверьте мой летучий прах.

Четвёртый

Маме забот и с троими хватало.
Вот и решила: «Избавлюсь». Но тут
Бабка ей, будто во сне, прошептала:
– Где же четвёртый, которого ждут?

Кто и когда? Нет на это ответа.
Мама ушла... Мой нелёгкок маршрут.
Но всё равно мне милее планета,
Зная, что где-то четвёртого ждут!

Домой

Я – вологжанин, вологодский,
Как рифмовал один поэт:
Река, церквушка, запах скотский —
Милей для нас картины нет.
Еще недавно край мой древний
Будил над лесом самолет.
Все изменилось – до деревни
Автобус старенький везет.
Дымит, пытит трудяга львовский,
Блестит асфальта полоса.
Щекой щетинистой отцовской
Встречают хвойные леса.
Давно у Тотьмы мост построен,
Кати за Сухону-реку.
Но я опять обеспокоен —
Остановиться не могу!
Когда-то здесь на переправе
Воспел паромщика поэт.
Мечтал о жизни, не о славе.
Парома нет. Поэта нет...
Мы все же сказочно богаты.
Гони хоть сутки – лес и лес.
Дремучий, сумрачный, косматый,

А в нем зверей, а в нем чудес...
И расточительны до боли,
Не ценим, не умеем жить.
Нет Коли, нет Рубцова Коли!
Я с ним хотел поговорить.
На берег, в сосны, от парома
Прямая брошена верста.
Два-три часа, и будем дома,
Пошли знакомые места.
Для сердца милые красоты
Уже мелькают на пути:
Пригорки, с клюквою болота,
Вон там грибов хоть пруд пруди.
У пашни мой родник заветный,
Там ковшик есть берестяной.
В еловой чаще неприметной —
Курпажка с чистенькой водой.
Над речкой роща вековая,
И церковь в синем далеке.
Когда-то, пятками сверкая,
Бежал там с горки налегке.
На остановках – магазины.
Чего в них только нынче нет:
Бананы, киви, апельсины,
А рядом – платный туалет!
Зато картошечка на рынке

Теперь дороже, чем банан,
Хоть из-за моря, не в корзинке
Банан доставил капитан.
Коль приглядишься, поневоле
Ища ответы на вопрос,
Заметишь брошенное поле,
Косой не тронутый покос...
Еще часок. Вздремну немножко.
Нельзя так пристально смотреть.
Мое родимое окошко
Сегодня будет ли гореть!?

Все таланты проданы

Все таланты проданы,
Все запасы пропиты,
Все дубравы выжжены,
Все поля не паханы...
Чем кормить-то будем мы
Малых наших детушек?
Как спастись будем мы
От мороза лютого?
Не пора ль опомниться
Нам в крещенской проруби?
Не пора ль покаяться
Да про дело вспомнить нам?
Не про золото-серебро,
А про серп да с молотом?!

Да будет так!

Все мы уйдем в никуда.
Все улетим насовсем.
Только туда – поезда,
Черный тоннель нем.
Перед дорогой в один конец
Вахту души сдаем,
Как эстафету живых сердец,
Слово передаем.
Кто-то продолжит мысль.
Свет одолеет мрак.
Все мы уйдем, но жить
Слову! Да будет так!

Уж верьте иль не верьте

Во дни правленья Понтия Пилата
Жил в Назарете странный человек —
Не славы он возжаждал и не злата,
А исцелить решил жестокий век.

Не убивай, сказал, себе подобных,
Не лги, сказал, и не воруй, сказал...
Ни смех надменный фарисеев злобных,
Ни тяжкий крест его не испугал.

И он воскрес! Одесную у Бога
На небесах в величии сидит.
Всех грешников судить он будет строго.
А праведников всех вознаградит.

Предстанете! Уж верьте иль не верьте,
Там по делам оказывают честь.
Я чаю воскрешения из мертвых!
Чтоб вечно было нам по тридцать шесть.

И будет в мире радостно вовеки!
И райский сад распустится опять!
Так что же нам мешает, человеки,

Не убивать, не лгать, не воровать!?

Зачем тебя мне узнавать

Зачем, скажи, тебя мне узнавать:
Твоих друзей, причуды, заморочки,
Успехи чад твоих – сына и дочка —
И с кем ты делишь завтрак и кровать?

Какое дело мне бы до того,
Исхожены какие лес и поле,
Где и когда, в какой училась школе
И наряжалась в праздник для кого?

Зачем мне знать, сама ты посуди,
Что на душе тревога и ненастье,
Про шрам, едва заметный, на запястье,
Про родинку на матовой груди?

Разведены по жизни мы судьбой —
Я в сторону одну, а ты в другую...
Так почему же снова я целую
Вот этот след, оставленный тобой?!

Белокаменная сказка

Это радость неземная,
Это птица в небесах,
На Земле ворота рая —
Храм Спасителя Христа!
И очей любимых ласка,
И надежда, и мечта,
Белокаменная сказка —
Храм Спасителя Христа!
Из пучины изумрудной
Дева с тайной на устах...
Неразгаданное чудо —
Храм Спасителя Христа!
Оправданье, искупленье,
Потрясенье – красота!
Душ обугленных спасенье
Храм Спасителя Христа!

За волоком

Вологда вона где!
Пойди, дойди...
Сто рек и волоков
На пути.
Но есть за волоком
Косогор,
Который мне милей
Синих гор.
На речке – омуты,
Песчаный плёс...
И я скучаю
По ним до слёз.
Дойду и рухну там
На песок
И снова стану
Красив, высок!
Потом, песочек
Зажав в горсти:
– Эх, мама родная, —
Шепну, – прости!

Острог на Староконюшенном

Наследники землепроходцев,
Мы свой поставили острог
В Москве, сегодня здесь придётся
Стоять за Русь, не на восток
Мы снаряжаем свои кочи —
По ветру парус, к солнцу нос...
Нас сам Кусков уполномочил
Стоять подобно форту Росс
Там, где Отечества основа.
Чтоб утром, выйдя на крыльцо,
Услышать ласковое слово,
Увидеть доброе лицо.
Староконюшенный, 4 —
Вот вологжанина пароль.
Вошёл – и будто небо шире.
Сказал – и крылья за спиной!

Происшествие в метро

Вращается рулетка.
Подземное кольцо.
Случайная соседка —
Прекрасное лицо.
Кораллы дивной ночи
Мне вынесла река —
Чарующие очи,
С колечками рука,
Заколки, булавки,
Забывшие черты...
Сижу на очной ставке
У собственной мечты.
Застыл в дурацкой позе,
Душой и телом с ней.
Так кролики в гипнозе
Таращатся на змей...
С ума реснички сводят
И ямочки колен
И, пьяного, уводят
Меня в счастливый плен.
Мучений очной ставки
Я вынести не смог
И, рухнув на пол с лавки,

Целую пальцы ног.

Отмените весну

Н. Б.

Поцелуя отведав,
По ночам не засну.
Разбудили медведя —
подавайте весну!

Ваши милые бредни
То листаю, то мну.
Разбудили медведя —
подавайте весну!

Крыша бедная едет —
В ваших далях тону.
Разбудили медведя —
подавайте весну!

Потешаются ведьмы —
Обнимаю сосну.
Разбудили медведя —
подавайте весну!

Маясь в поисках снеди,

Задержу не одну...
Разбудили медведя —
подавайте весну!

Впрочем лучше немедля
(не поставят в вину)
пристрелите медведя.
Отмените весну.

Печаль

Прощайте, уходим бесследно, бесславно
В немую великую даль.
Я только хочу Вам поведать о главном —
Что всё это было – печаль!

А главное то, что я очень любила,
Хоть жизнь пролетела без Вас,
Но, знайте же, я тот причал не забыла.
Да, да, ни на миг, ни на час!

Вглядитесь, у дочки красивые губы,
Походка, улыбка, глаза...
Вы спросите: «Как без материи грубой?!»
Но, видимо, есть чудеса!

Прощайте, прощайте, бесследно, бесславно
Уходим в великую даль.
Я только хочу Вам поведать о главном —
Что всё это было – печаль!

Горящее лето 10-го года

Огненной лавой и дымом накрыло минувшее лето,

Многих той смрадной волной навсегда унесло.

Дух же живущих повергло в смятение и трепет.

Что возвещают огнём нам бессмертные боги?

Чем прогневить мы смогли повелителей грозных стихий?

Света конец показался живым до обидного близок.

Слава великая тем, кто отважно боролся с небес производом!

Мужество их наполняет надеждой людские сердца.

Модернизация

Живые люди не нужны теперь.
Их заменяют умные машины.
Метлой шуршат по всей России шины,
Былое время выметая в дверь.

Летят к чертям старинные иконы,
Колхозы, избы, томики вождей...
Никто не слышит ни старушек стоны,
Ни поднебесный клёкот журавлей.

И немота, и глухота, как в танке...
Кричи, зови на помощь – ни души!
Лишь алкаши горланят спозаранку
Бессмертное творенье «Камыши».

Виртуальные девочки

Виртуальные девочки рвутся с карнизов:
Опостылела жизнь им в четырнадцать лет...
Обвиняю страну, торгашей, телевизор —
Разрушителей душ, предвестников бед.
Обвиняю тебя, звездочетик убогий,
Обвиняю тебя, хиромант-мракобес.
Вы детей наших сбили с широкой дороги,
Вы разбили о камни веселых невест.
«Марсианские» хроники льются с экранов.
Тут пойдй разберись-ка, где правда, где ложь.
Убивает болото заморских дурманов,
Прямо в юность нацелен компьютерный нож.
В экологии душ островочек разрушен,
Где хранили мы Веру, Надежду, Любовь,
А без них этот мир и задаром не нужен,
Лучше вдребезги мозг, лучше выплеснуть кровь.
Предсказания ждёте кометы далёкой?
Нет знаменья ужасней, чем этот каприз!
Как в Балашихе девочки, выпав из окон,
Вся Россия обманутой падает вниз!

Ничего не член

Я, слава Богу, ничего не член,
Вхожу в одно сообщество – живущих,
Не признаю организаций плен
И числюсь разве только среди пьющих.
Осточертели строй, устав, наряд.
Мне хорошо в просторной светлой роще,
Ее законам подчиняться рад
И быть хочу добрей, надежней, проще.
Не по душе партийных бонз оскал.
Я не люблю политиков собранья,
Я там бывал, тщету карьеры знал.
Все позади: чины, награды, званья.
А если умник скажет: «Не хитри!»,
Грозь надменно пальчиком при этом,
Ему и вам скажу: «Пишу стихи
И на Земле хотел бы быть поэтом,
Не признавать ни рас, ни уз, ни стен,
Входить в одно сообщество – живущих.
И потому я ничего не член.
И потому я только среди пьющих...»

Про ворону

Хорошо в гнезде вороне
Деток греть в своём пуху.
Там никто её не тронет —
На берёзе, наверху.
И забот семейных полон,
Из проталин, где река,
На обед законный ворон
Ей притащит червяка.
Наплевать ей на компьютер,
Знать не знает, что за зверь.
Сладко дремлет в уюте
Под апрельскую капель.

Бабье лето, парк Кузьминки

В воскресенье для разминки
Я пошёл гулять в Кузьминки.
Доложу вам без заминки,
Там чудесные картинки,
Там осенние новинки,
В золотых коврах тропинки.
Утопают в них ботинки.
Кумачом горят рябинки,
Дуб желтеет и осинки.
В хвойной чаще – паутинки,
На пруду – утят пушинки,
Небо ясно – ни дождевки.
Грусть приятна – ни слезинки.
Бабье лето, парк Кузьминки.

Вечер на Москве реке

Московский вечер – вдохновенный ткач.
Основой для картины – август синий.
Попробуй от восторга не заплачь
В плену алмазных россыпей и линий.

Струит река живое полотно,
Горят и выются золотые нити.
В узоре тонком каждое окно,
И фонари, и звёзды – посмотрите!

Дорожку в небо выткала Луна.
Бегу по ней навстречу детской сказке.
И снова жизнь гармонии полна,
И в сердце через край любви и ласки.

Женский день

Мороз крепчал в начале марта.
Да только нас не проведёшь —
Зимы и этой бита карта!
Об этом в садике галдёж
Ведут синицы с воробьями.
К обеду редкая капель,
Как слёзы старой белой дамы,
Стекает с крыши. Верь не верь,
Весна пришла, грядёт и лето.
Всему начало – Женский день!
И песня лучшая не спета,
И пить не лень, и петь не лень!
Душа вылезит из берлоги.
Так будет вечно, вновь и вновь.
Да сгинут старые тревоги!
Да будет новая любовь!

Когда Москва под бой своих курантов...

Когда Москва под бой своих курантов
Восторженно встречала новый век
И про уход убогого «гаранта»
Узнал с надеждой русский человек,
Когда весь мир мифическим драконом
Из шкуры старой с воплем выползал
И небосвод то красным, то зелёным,
То радугою сочной полыхал,
Герой Чечни – армейский мой товарищ —
Огням и взрывам праздничным не рад.
– Тут не хватает танков и пожарищ, —
Сказал угрюмо, как-то невпопад.

Ё-моё!

Отстеснялся я своё,
Отбоялся я своё.
Вот теперь пишу стихи,
Молча слушаю «Хи-хи!».
Слыша «пение» моё,
Бабы судят: «Ё-моё!
Хороши его стихи.
Не моги сказать «Хи-хи!»
Но поэту, ё-моё,
Скажем мнение своё —
Нам любовной чепухи
Больше надобно в стихи.
Понимаешь, ё-моё,
Мы же всё-таки бабьё,
Нам любовные стихи,
Как французские духи.
Возбуждать нас, ё-моё,
Должно пение твоё».

Голограмма

Стандартный лист весь в кляксах, в дугах
Испорчен, в дело не годится,
Но с удовольствием подруга
В него, как в зеркало, глядится.
Твердит, что в кляксах, в многоточье
Того негодного листа
Увидит каждый, кто захочет,
Изображение креста.
– Он в круглой нише, весь воздушный.
Пришельца из далеких мест
Увидит ученик послушный —
Чудесный крест, ажурный крест.
Гляжу на лист – нельзя прилежней,
Но вижу то же, что и прежде.
Лишь только кляксы, дуги, точки
На грязном маленьком листочке...
Иль я больной, иль у подруги
Не так поставлены глаза?
Мои болят, мои в испуге,
В моих отчаянья слеза.
Она свихнулась, не иначе,
Кричит: «Попрystalьней гляди,
Лист ближе, дальше отведи.

Не видишь? Ненормальный значит!
Вглядишь, вот здесь, он есть! Он есть!
Чудесный крест, ажурный крест,
Весь в утонченных изразцах
И с «пауками» на концах».
Таращусь, не хочу обидеть...
И вдруг... Вот это чудеса!
Листок, как будто небеса,
Разверзся! Это нужно видеть.
Ажурный крест, раздвинув лист,
Как люстра в воздухе повис.
Весь в утонченных изразцах
И с «пауками» на концах.
Прекрасен он! А были точки
На грязном, маленьком листочке.
Мне объяснили, что компьютер
Те кляксы, точки наносил.
Не зря я нос с прицелом путал,
Не зря глаза свои косил.
Я позавидовал машине
И вот теперь стихи пишу.
Я буквы, точки, запятые
В своем блокноте вывожу.
На грязь, читатель, не сердись,
Рискни, попристальней взглядишь...
Спасибо, Лена! Ай да Лена!

Я убедился, есть он, есть!

Чудесный крест, нездешний крест!

Как-то предстоит умереть?

Как-то предстоит умереть?
Явиться ли женщина-смерть
Страшной бабкой с острой косой
Или юной девой босой?
И отправится душа на тот свет.
И не будет там ни горя, ни бед.
А всего скорее – не так,
Кто поверит в эти сказки, чудак!
Вот устал, и сердце выключит свет.
Ничего такого тут нет.
Превратятся в пыль и мозг, и скелет.
Ничего тут необычного нет.
И не будешь ты нигде никогда!
Пусть подольше длится дней череда!

Еще играю в эти игры

Еще играю в эти игры,
Свой воз безропотно везу,
И мне финансовые тигры
Дают на хлеб и колбасу.
Еще горбачусь за десятку,
Пашу, забыв покой и сон.
За четвертак спляшу вприсядку
И пуп сорву за миллион.
Иду витрин роскошных мимо,
Рука сжимается в кулак.
А на душе, как в древнем Риме,
Хрипит затравлено Спартак.
Что делать бедному Ивану?
Сбежать в тайгу, в туман, в разврат.
Иль, может, я себе достану
На всякий случай автомат...
Ведь зубы скалят злые тигры,
И раздевают подлецы,
Пока играю в эти игры,
С концами сходятся концы.

У нулевого километра

Автомобильное кольцо
Как ров у замка, как траншея.
Москва похожа на яйцо
С иглой Бессмертного Кощея.
Не Кремль по центру, не собор —
По центру доллар, он – диктатор...
Москва похожа на прибор,
Она гудит, как трансформатор.
И не дороги – провода.
А может хуже – метастазы.
Повсюду тянется беда,
Ползёт зелёная зараза.
Москва – ловушка для сердец.
Попасть сюда, что кануть в Лету.
Нет, не начало, а конец —
У нулевого километра.

8 марта

Весны приближенье в Москве угадай-ка!
Этаж небоскрёба не лес, не лужайка.
Но точная есть у нас марта примета —
Цветущая Нина, нарядная Света.
Фаины, Марины, Ирины, Наташи —
Мимозы, фиалки, подснежники наши,
Танюши, Любаши, Надюши, Катюши —
Сирени, черёмухи, яблони, груши!
Ликуйте, сияйте, нас, грешных, любите,
Целуйте, ласкайте, сердца наши жгите,
О принцах мечтайте, как феи, порхайте,
Тревоги не знайте, заботы не знайте,
Печали забудьте, шампанское пейте,
Весеннюю радость в сердца наши лейте!
Мы любим, мы ваши, сдаёмся, владейте!

Запросите меня

Считают проценты машинки,
И звезды, и трассы ракет.
Но нет в их «глазах» ни слезинки,
Ни горя, ни радости нет.
Мой мозг – совершенный компьютер,
Он может любить и страдать.
Вселенную всю там найдете,
Но некому кнопку нажать...
Звенят микросхемы извилин,
«Завис» триллион мегабайт.
Не нужен я больше. Забыли
Команду компьютеру дать.
Включите же память, включите!
Добавьте в лампаде огня,
Архангелы, кнопку нажмите!
Я есть! Запросите меня!

Возрождение...

Полушутя, полусерьезно
Пишу стихи на склоне лет.
Лишь так писать и жить возможно:
Вопросы есть – ответов нет.
Вдруг стали истоиво молиться,
Целуем камни натошак,
Желая духом возродиться.
А нищим как? Голодным как?
Реформ убойных панорама
Уже видна в любом окне —
Горит на солнце купол храма
В полуразрушенной стране.
Сияют маковки собора,
Цветут узорные кресты,
Звучат торжественные хоры,
К причастью тянутся персты...
Какую паперть возродили?!
Да, в старину умели жить.
Ползи, убогая Россия,
К «царю» копеечку просить.

Как диктует душа

*В. Семенову*¹⁹

Без затей и похабных уклонов
Я писал, как велела душа.
И отметил Владимир Семенов —
Что же, выправка слов хороша...
А душа – это все-таки слово,
Не туман, не парок из груди.
И у духа другая основа —
Не рефлекс, не звериный инстинкт.
Дух – не голубь, а стих и молитва,
Нам завещанный жизни устой.
И душа – это вечная битва,
Битва слова с тупой немотой.
Человечности первооснова,
Не небесная кара, не страх,
А живое, красивое слово,
Как улыбка на милых устах.
Потому без похабных уклонов
Я пишу, как диктует душа.
Все в порядке, Владимир Семенов,
Пока выправка слов хороша.

¹⁹ В. Семенов – редактор литературной страницы газеты «Полярная правда».

Девочка под ёлкой

– Я хочу, чтоб люди больше не болели,
Доброты и ласки детям не жалели,
Мама чтоб не плакала наша никогда,
Папа чтобы в праздники дома был всегда,
Чтоб пришли к нам в гости бабушка и дед,
Чтобы вкусный тортик был бы на обед,
Свечки чтобы жаркие в полночь запылали,
Шарики чтоб яркие в хвое засияли,
Музыка весёлая чтобы раздалась,
Сказка чтоб волшебная наконец сбылась,
Ветер и снежинки чтобы вальс кружили,
Жили-были чтобы мы, жили не тужили! —
Тихо-тихо шепчет так, едва дыша,
Девочка под ёлкой. То – моя душа.

Сыну

Сынок, пришла пора расстаться,
Вот здесь тебя я родила.
Отметим скоро восемнадцать,
Тогда метелица мела.
Как быстро годы пролетели!
Нам Север родиною стал:
Снега, морозы и метели
И город в окруженье скал.
Грибы, брусника и морошка...
Долина Славы, старый дот...
Ах, время, погоди немножко.
Не может. Так и жизнь пройдет.
Последний школьный твой звонок
Нас разлучит. Я это знаю.
Не счесть у матери тревог.
С какую болью провожаю
Тебя сегодня от порога...
Кто б только знал?! Понять бы смог?
Как много бед, как горя много
У тех сегодняшних дорог!
И все ж – иди, не для того
Тебя рожала и растила,
Чтоб в тесной клетке без тревог,

Без бурь твоя пропала сила.
Отец наследство завещал.
Нет, не хоромы и не дачу,
А море, сопки и причал
И свой корабль с судьбой в придачу.
Иди, мой сын, и сильным будь,
Орешек северный, кровинка.
С надеждой и молитвой – в путь!
Ступи на ждущую тропинку.

До свидания, школа!

Л. Г. Хаидовой

Учительством нас поверяют боги
На доброту и на духовность в нас.
Пора настала подвести итоги:
Директор мой, я покидаю Вас.
Спасибо за неласковую нежность,
За беспокойный, шумный Ваш приют.
Я здесь постиг работы неизбежность,
Я здесь услышал, как сердца поют.
Я здесь учился плакать и смеяться,
Отученный от этого давно.
Я здесь учился женщин не стесняться:
Я с ними пил и слезы, и вино.
Здесь ни к чему пустые разговоры.
Я здесь усвоил мудрость – промолчать.
Здесь могут быть суждения и споры,
Но только жизни до конца решать.
За взгляд спасибо честный, без укора,
За то, что груз хозяйственных проблем
Вы так легко несли по коридорам,
Что я и не заметил их совсем...
Утешьтесь тем, что в Вашем «огороде»,

Где пестики, тычинки, лепестки,
Назло судьбе, политике, природе
Поэзии проклюнулись ростки.
От жизни от моей, быть может, прока —
Все остальное бред и чепуха —
Написанные здесь в конце урока
О флоте и о школе два стиха.
Стихи мои не стоят и полушки,
Но верю я: чрез много лет
Вдруг кто-то вспомнит дома на пирушке:
– А помнишь, в школе был у нас поэт?
И тотчас вмиг отыщутся в альбоме
Две-три строки про дальний город наш.
Пусть ничего не будет в жизни кроме —
Я грыз не даром черный карандаш.
И вспомнят люди этот край суровый,
Давным-давно покинутый уже,
И позовет их школа. Север снова.
И будет рай и праздник на душе.
За все, за все, прекрасная Людмила,
У Ваших ног прощения прошу,
Хочу, чтоб хоть немножко полюбила,
Но нужных слов, увы, не нахожу.
За песенность спасибо лиховую,
Услышав Вас, бывал я снова юн,
За смелость глаз, за байку озорную,

За Ваш шикарный бежевый костюм.
Я уезжаю в Заозерск, влюбленный,
Счастливый тем, что здесь увидел Вас.
Пришел уныл, уеду окрыленный.
Лети в Москву, неожиданный мой Пегас!

Под новый год

Мороз хорош под Новый год.
Узор в окне нарисовал.
Летит снежок, спешит народ.
Пурга заводит снежный бал.
На подоконнике свеча,
Под ёлкой Дед Мороз и мрак.
Часы старинные стучат:
Тик-так, тик-так, тик-так...
Идут года, течёт река.
А я, как сфинкс, сижу, молчу.
Секунды трогают бока,
И вечность гладит по плечу.
Не помнит сердце мелочей.
Душа, как в детстве, чуда ждёт.
За этот миг в тени свечей
За всё прощаю старый год.

Землякам

Москва – не башня Вавилонская,
Не рухнет, как ни высока.
Жив русский дух. Есть вологодская
Дружина главного полка.

Для красных стен Кремля столичного
Желтком яичным станем мы!
От бед и войска заграничного
Святыни будут спасены!

Не для потехи мы затеяли
Стоять в Москве к плечу плечом —
Не будут русские развеяны
По полю вражеским мечом!

Поэт Рубцов на нашем знамени.
Пусть на народные гроши
Встаёт ему в столице памятник
От всей Руси, от всей души!

Дорог и стран немало пройдено,
Но до могилы, до конца
И в нас любовью к тихой родине

Полны и мысли, и сердца!

Довольно!

Довольно! Хватит богохульствовать!

Устал ругаться и роптать,

Устал в застольях пьяных буйствовать,

На храмы белые плевать.

Довольно! Жажду примирения,

И доброты, и чистоты.

Как будто в жар об исцелении

Молю в песках – воды, воды!

Пустите в церковь ошалевшего

У свечки тихой постоять,

Сыночка вспомнить улетевшего

И об отце погоревать.

Пора на юг

О, пальмы в Гагре! О, пляжи в Крыму!
Без боя, без боя мы сдали страну.
В плену у кого-то гора Аюдаг.
Не так все, ребята, не так все, не так!
Медведь Америку пугал,
Внушал и зависть, и тревогу.
И вот в дремучую берлогу
Коварный Запад нас загнал.
И нам – наследникам Петра,
И нам – Суворова потомкам,
Как исчезающим обломкам,
Остались только Севера.
Но, в дикой тундре, вмерзшим в лед,
Им удержать ли исполина?!
Часам старинным ход дает
Опасно сжатая пружина.
России ведом сей недуг.
Тайга всегда нас выручала.
От заполярного причала
За Северный Полярный круг
Нас новый ждет бросок на юг.
Умерьте вопли и испуг —
Арабам – Нил, индус – на Ганге,

Негр черный где-то на Матанге,
А мне и в Вологду – на юг.
О, пальмы в Гагре! Дунай голубой!
О, мама Одесса, возьми на покой.
Янтарные пляжи ласкает волна...
Другая, чужая, не наша страна.

Все истины проверить на себе

Все истины проверить на себе
И не упасть, не заскулить, не сдаться.
И только это от отца тебе,
Так видно суждено, должно достаться.
Что говорить о горести вина,
Коль все к нему вокруг тебя стремятся?!
В твоём падении есть и моя вина —
Я тоже пил, отметив восемнадцать.
Теперь ты знаешь, как дрожит душа,
Какие ей потом кошмары снятся,
Позорно, как прозвание алкаша,
Как трудно после из дерьма подняться.
Усвоена ли истина, сынок?
Под пробкой красной демоны гнездятся.
Сомнителен напитоков этих прок.
И в собутыльники не все друзья годятся.
Все истины проверить на себе!
И не упасть, не заскулить, не сдаться!
Моя рука протянута тебе,
А вместе нам, сынок, чего бояться?!

Телескоп воображения

Я в лунном кратере устроился удобно,
Чтоб дождь метеоритный не пылил.
Над цепью гор красива бесподобно
Взошла Земля среди других светил.
Настроил телескоп воображенья
И вижу вдруг, как будто наяву,
Моря, и реки, и машин движенье,
Существ, которых братьями зову.
Я этику Вселенной не нарушу
И точно запущу метеорит
В того, который на атоллах сушу
Ужасной бомбой испытать велит.
Обилие воды и кислорода,
Сокровища лесов, полей и рек
Тебе вручила щедрая природа,
Так будь же счастлив, брат мой – человек.
Лишь в космосе, на спутнике унылом,
Издалека оценишь и поймешь —
Как сладок дым над родиною милой,
Как дорог дом у сосен и берез.

Легендарный снег

Мы выстоим, дотянемся, ворвёмся!
Мы заслужили двадцать первый век.
Поэтами недаром мы зовёмся,
На рубеже столетий обернёмся,
На сувениры снегом запасёмся.
Ведь под ногами легендарный снег!

Я в той дали, приврав совсем немножко,
Живой легендой к юности приду.
Я расскажу, как снег валил в окошках,
Как он скрипел под вечер на дорожках,
Как таял он у милой на ладошках,
Как он сиял в двухтысячном году.

Грядёт, грядёт алмазный век поэтов.
В прогнозах звёздных очередь его.
В нём будет больше и тепла, и света.
По доброте соскучилась планета.
Но для меня земли милей, чем эта,
Уже в веках не будет ничего.

Пока целует родники поэт

Читзал районный был красив и светел.
Мужчина лысый с сединой в висках
(У местной прессы был он на примете)
Про жизнь свою рассказывал в стихах.
Он тридцать лет отсутствовал в районе —
Служил, учился, бороздил моря...
И никогда не припадал к иконе,
Прости его, родимая земля.
Учителя, работники культуры
Музеев местных и библиотек,
Ревнителю родной литературы
Ему внимали – сорок человек.
Двадцатое столетье на исходе,
В России стон, куда ни кинь – тупик.
А он толкует о любви к природе,
А он целует травы и родник...
Про отчий дом, про медленную речку,
Про древний город в северной глуши,
Про кружева, про прясло, про крылечко,
Про снегопад, про васильки во ржи...
Где плавал он и прилетел откуда,
Как блудный сын, он людям рассказал...
И было чудо! Совершилось чудо —

Признал поэта нового читзал.
И все-таки – вначале было слово!
И все-таки – бывает волшебство!
Слова-алмазы засияли ново,
Дух обрета, ликует естество.
И не иссякнет Родина вовеки!
И слову русскому конца и края нет,
Пока текут так плавно наши реки,
Пока целует родники поэт!

Тверской бульвар

Центр Москвы, реклам картины,
Кремль, Манеж, Тверской бульвар.
Все в чаду. Поток машинный.
Давка. Рыночный угар.
Пусть «Макдональдс» жарит, тушит,
Рекламирует еду,
Я иду туда, где Пушкин
У России на виду.
Иностранные закуски,
Панталоны, фрак, жилет
Уважал наш гений русский.
Жаль, сегодня денег нет.
Но зато здесь прорастают
Рифмы стройные во мне,
Как былинки пробивают
Глушь асфальта по весне.
И милей прохожих лица,
И денек как божий дар.
Для кого базар – столица,
Для меня – Тверской бульвар!

Немой заговорил

Немой заговорил!
Да, чудеса бывают.
По прихоти светил
Недуги исчезают.
И мыслям больше нет
Глухого заточенья,
И заливает свет
Восторги и сомненья.
Как ледники вершин
Вдруг лавами грохочут,
Так тайники души
Вдруг плачут и хохочут.
О, слова чудеса!
О, музыки стихия!
Спасибо, небеса!
Пишу стихи я.

Поздно быть мне...

Поздно быть мне
Певцом пламенным.
Мне пора быть
Отцом правильным.
Не борцом, не бойцом,
Человеком с лицом
Собственным.
Оформляю лицо
В собственность.
Никому не отдам —
Ни попам, ни годам,
По наследству его
Сыновьям передам.
Из разгула стихий
Возникайте, стихи,
На страницах баллад
С веком в лад,
С сердцем в лад.
Хоть клянут сыновья
За наследство меня
(В жизни много проблем
Без поэм, до поэм),
Все же верю – поймут,

Не сожгут, дорастут,
Внукам книжки мои
И черты донесут.
И продолжают путем
Пламенным
Эстафету трудов
Праведных.

В полёте

Недавно я, как птица, был в полёте,
Родимый край обозревал с небес.
Вы Вологды прекрасней не найдёте.
Вас очарует перевозданный лес.

Неповторим священный град Кириллов,
Его озёр и рек его размах.
Сюда в места глухие уходил он
От смут столичных – зодчий и монах.

Колоколами утвердили слово
Монастыри, раздвинув горизонт.
Но, слышал я, звучат стихи Рубцова,
И внемлют им Кирилл и Ферапонт.

Чем не столица наш Великий Устюг —
Старинный русский северный причал.
В своём дворце у рек могучих в устье
Нас Дед Мороз по-царски привечал.

И оживают бабушкины сказки,
И хороши сметана и блины,
И пляшут ёлки и летят салазки,

И нет новее русской старины.

Как хорошо в парении беспечном

Земли родимой узнавать черты.

И всем желать от всей души, сердечно

Под Новый год тепла и доброты.

Домовёнок

В нашем доме барабашка,
Домовёнок маленький,
Добрый сивый замарашка —
Пёсик захудаленький.
С нами рядом он живёт,
По подъезду носится,
Всех встречает у ворот,
На прогулку просится.
Всех жильцов наперечёт
Барабашка знает,
А чужой в подъезд зайдёт —
Он его облает.
В нужный миг сигнал подаст —
Жди кого-то в гости.
Заслужил малыш у нас
Колбасу и кости.
Добротой на доброту
Отвечают люди
И несут ему еду
Вкусную на блюде.

Над вечным покоем

Заброшенный храм, осеняют кресты
Пространство лесное.
Как будто стоишь у незримой черты
Пред вечным покоем.

Как будто в начале земного пути,
Или видишь цель, до которой идти...
Отсчёт, родовое.
Напуганы мы, и утешены мы
Вечным покоем.

Забудется всё, отойдёт, отболит
Доброе, злое.
Но эта вот церковь пусть вечно стоит
Над вечным покоем!

Марьино

Искусница Марья, наверно,
В долине поречной жила,
Болотной колдуньей и ведьмой
За чудную силу слыла.
А, может быть, помнит долина
Кровавую страшную ночь,
Когда поглотила пучина
Красавицу царскую дочь...
Недаром же в русской столице
Район, где сегодня живём,
Где всюду вода серебрится,
Мы Марьино нежно зовём.
Просторен, как Марья мечтала,
Дома и мосты высоки.
Московской Венецией стала
Убогая пойма реки.
Сквозь корку стекла и бетона
В Москве не шуршат камыши.
Не слышно печального стона
Пропавшей в болотах души.
Лишь нежное женское имя
Огнями горит на стене,
Да юная девушка в синем

Порою приснится во сне.

Моя премия

А. А. Павлову

Стихи мои птицей в окно залетели.
В том домике старый учитель живет.
Его, как всегда, не застанешь в постели,
В заботах с утра: сенокос, огород...
На полках, конечно, и Гоголь, и Пушкин,
Абрамов и Яшин, Есенин и Фет...
Здесь писем гора – от Камчатки до Кушки —
И местной газеты учтивый ответ.
И я – обладатель ценнейшей из премий.
Я горд! Я на взятом стою рубеже!
Мне старый учитель из русской деревни
Сказал о стихах, что пришлись по душе.

Того, что нет, не выплеснешь

Того, что нет, не выплеснешь.
Звенит пустое дно.
Огонь в сердцах не высечешь,
Когда в своем темно.
Кряхтишь, сопишь, пытаешься
О светлом, о большом...
Над рифмой вялой маешься...
Занялся бы трудом,
Тебе доступным более, —
Мог лапти бы плести,
Смирясь с крестьянской долею,
Чем эту чушь нести.
Чтоб лыко к лыку сроблено —
Приятно посмотреть.
Ну сколько можно Родину
С похмелья только петь?!
Мычание – не пение,
Не музыка, а стон.
Поверь чужому мнению —
Душе противен он.

Побег

Даже смерть за мной не угонится!
В монастырь души ухожу.
В дверь мою никто там не вломится,
Сам теперь сужу и ряжу.

Мир озлобленный и воинственный
Закрывается для меня.
В мир своей души – мир таинственный —
Погружаюсь я, возрождаюсь я.

Память в храме том курит ладаном,
В ней сокровища нахожу.
Распылял себя неоправданно.
За собой в себя ухожу.

Образ мира

На этой шкатулочке белого цвета
Ни стрел нет магических и ни колец.
Но все-таки наша большая планета,
Как брошь, помещается в этот ларец
Со всеми морями и странами всеми.
Тут русский и немец, француз и мулат.
Мы все – электронами в нервной системе
Серебряных жил и невидимых плат.
Нас шесть миллиардов, как атомов – много.
И каждый отдельный был сам по себе.
Теперь же короткою стала дорога
К любому селению и к каждой судьбе.
Теперь по-другому я слышу и вижу
И чувствую даже, наверно, не так.
Касаюсь до клавиш, и вот я в Париже.
Хотите – на матче «Реал» и «Спартак».
Кому-то Земля – это шарик хрустальный.
А мне так вот этот невзрачный на вид,
Простой, как яйцо, как яйцо, гениальный
Компьютер, где мир наш, как в радуге, слит.
«Во многия знаний есть много печали».
Легко ли живется тебе, человек?
О чём там в сети Интернет прокричали?

Куда устремился, компьютерный век?

Туда, где пальмы

Я вырваться хочу за круг проблем,
Туда, где лаской засияют очи,
Где негу дарят звезды южной ночи
И телефон тревожный будет нем.
Мне б разорвать кольцо холодных скал,
Забыть минуты жизненных падений,
Замуровать причины сожалений
И не спускаться в памяти подвал.
Туда, где пальмы, – на Канары, на Таити —
Ты унеси меня, седой волшебник-джин.
Да только знаю, даже кущи эти
От всех проблем не защитят мужчин.
Пусть негу дарят купленный гарем
И золотой песок на берегу,
Но и тогда я весел быть смогу,
Лишь разорвав на горле круг проблем.

Новогоднее

Сердце, сердце,
поплачь, поплачь
У свечи, у огня
новогоднего.
Жизнь под горку
пустилась вскачь —
Сколько прожито!
Сколько пройдено!
О себе и других
поплачь,
Разрыдайся
слезою светлою.
Время, время —
седой палач —
Дожигает
свечу заветную.
А над крышами
Млечный Путь
Украшает
юдоль морозную.
И осталось
совсем чуть-чуть
До прыжка

в эту бездну звездную.

Купавна

Хорошее место Купавна —
И лес, и озера, и пруд,
Поют соловьи, и купавы
На глади зелёной цветут.

А ночью клубятся туманы,
Покой охраняя лесной...
Недаром старинные раны
Здесь лечит бродяга морской.

На праздник Ивана Купалы
Мне жёлтый сплетите венок.
Кувшинка, купавна, купава —
Мне нравится этот цветок!

Как трудно быть трезвым

Как трудно быть трезвым во время чумы,
Свидетелем быть грабежей и войны,
И беженцев слышать голодный укор,
И видеть, как танки стреляют в упор
В столице с моста по советским палатам,
По нашим законным живым депутатам.
Как можно быть трезвым и верить тому,
Что русского флота не будет в Крыму?
И в то, что на ваучер «Волгу» дадут?
И в то, что министры у нас не крадут?
Иль знать, что получку не платят годами,
А нищий народ стали звать господами.
А как не краснеть от стыда до ушей,
Когда из Прибалтики гонят взашей?
Как трезвому знать, что отец свою дочь
За доллар уступит любому на ночь?
Как видеть, что мастер мозолей стыдится?
Когда голубой стал уродством гордиться?
Ну, как же не взвыть, осознав эту жуть?
О, кто б догадался меня ущипнуть?!
Опасно быть трезвым во время чумы,
Свидетелем быть грабежей и войны.
– Так выпей, скорей, и беда – не беда.

– Спасибо, я с вами не пью, господа.
Не нужен билет мне на фабрику грез,
Хоть корчусь от боли у русских берез.
Надеждой живу, что зарок не напрасен,
Ведь каждый, кто трезв, для подонков опасен.

Облака

Ветер времени ощутим
Нам становится к сорока.
И глядим из земных низин
Мы всё пристальней в облака.

Над полями плывут облака,
Словно годы уходят вдаль.
Облака мои, облака,
И надежда вы, и печаль.

Не о том я грущу, что уйду,
Но боюсь, что уже не успеть —
На заветную высоту
Не вскарабкаться, не взлететь.

И надежда моя не там,
Где исчезну, вдали, а тут.
Пусть пройдя по моим следам,
Внук земной продолжает путь.

Ветер времени к сорока
Вечным холодом ощутим.
Но я верую, облака,

Что не всё обратится в дым.

Нельзя писать ни для кого

Нельзя писать ни для кого,
Я должен видеть пламень глаз.
Пишу о Вас.
Пишу для Вас.
Нельзя писать за просто так.
Хочу доверие иметь.
Иначе для чего мне сметь?
Иначе для чего мне петь?
Нельзя писать про все подряд —
Любовью тема рождена.
Пусть неожиданна она,
Пускай причудлива она.
Нельзя писать ни для чего.
И не пытайся. Стих – турель.
Ты видишь цель?
Ты знаешь цель?
И не напишешь ни о ком.
В стихах, лирический герой,
Он вечно – я,
Он вечно мой,
Хоть неприятен мне порой.
И не напишешь стих нигде:
Взлелеян он твоей землей,

Пусть неприветлива порой,
Пусть ты на ней едва живой,
А так, пожалуйста, пиши.
Грызи свои карандаши.

Осень

Темны и бесприютны
И дни, и вечера.
Застыла в лужах мутных
Угрюмая пора.
Завеса дождевая
Туманит даль небес.
Волчицей осень злая
Уходит в дальний лес.
В растерзанном просторе
Зима берёт разбег.
И луг, и лес, и поле
Накроет скоро снег.
Меня, как землю осень,
Изранили года.
Душа участия просит,
Почуяв холода.
Навеки, не до мая
И для меня метель
Уже готовит, знаю,
Пуховую постель.

О, женщина – начало всех начал!

О, женщина – начало всех начал!
Прекрасней слов я в жизни не встречал.
Опасней слова слышать не пришлось.
Ведь сколько бы веков ни пронеслось,
А нет на свете крепости другой,
Сулящей рай, несущей вечный бой.
Но если и жалею я о чем,
Страдая под безжалостным бичом,
Израненный о жала острых пик,
То лишь о том, что в крепость не проник.
Зачем мне жить, любимая, скажи,
Без глаз твоих, без тела, без души?
Я не ропщу, мне не о чем жалеть.
У ног твоих позволь мне умереть.

Свет на пятом этаже

Холодный луч унылого сознания
Блуждает по безрадостной душе.
Где вы, мои вчерашние желанья?
Где свет в окне на пятом этаже?
Тот, на который в юности часами
Смотрел из мрака ночи под дождём.
Когда любовь завладевает нами,
И тень в окне мы как награду ждём.
И дождь, и ветер, и скамью у клёна,
И жёлтый лист, и лужи, и асфальт...
Счастливый и отчаянно влюблённый
Я был готов обнять и целовать.
Спасибо и на том, моё сознание.
Пусть мир пустыней кажется уже —
Я помню то безумное желанье
И свет в окне на пятом этаже.
Любимая, в душе под слоем пыли
Лежат прекрасной вазы черепки!
Но всё же хорошо, что в жизни были
И эта ночь, и письма, и звонки.

Акrostих

Нежность в чем? Я все гадаю.
Астру белую беру,
Тень сирени вспоминаю,
Арфы звуки на ветру.
Шорох волн в тиши ночной.
Алый парус над волной.
Мех куницы серебрится.
Ил, как пух, на дне морском.
Лель поет. Нектар струится.
Аэлита входит в дом.
Ясной полночью и днем.

Наташе

До чего же ты мне вся мила.
Счастлив воздухом дышать одним.
Как черёмуха белым-бела,
Как осеннего костра дым.

Каблучков твоих ловлю стук.
Мир без музыки твоей пуст.
Счастлив крошке из твоих рук,
Счастлив слову из твоих уст.

Ты же скажешь, сочиняю мол.
– Всё в слова играешь, поэт.
Вот возьму я да и вымою пол.
Вот возьму и приготовлю обед.

Любовь, мечта, Бородино

Была же женщина одна!
О ней не помнят, как ни странно,
Страницы старого романа —
Тучкова верная жена.

Молчит музей про эту быль.
И нет её в парадных рамах,
И не найдёшь на панорамах...
О ней всё знает монастырь!

Где смотрит в душу скорбный лик,
Горят по келиям лампы,
И две плиты могильных рядом
Венчают с вечностию миг.

Там предстаёт святая Русь!
В день Бородинской годовщины,
Как у сияющей вершины,
Ей до земли я поклонюсь!

Следы стирает время. Но
Горит свечой живая память,
И навсегда пребудут с нами

Любовь, мечта, Бородино!

На Сретенском бульваре мы не встретились

На Сретенском бульваре мы не встретились.
Он зря манил волшебною листвою.
Там есть в метро из мрамора отметины —
Сюжеты нашей жизни городской.

Пречистенка, Волхонка, Патриаршие,
Неглинная, Никитская, Страстной...
Мы, пьяные, счастливые, пропащие,
В обнимку на мозаиках с тобой.

Так почему бы нам не встретиться на Сретенском?!
Не пошуршать опавшею листвою?!
Чтоб стал и он любимую отметинкой
На перекрёстке жизни скоростной!

Пречистенка, Волхонка, Патриаршие,
Неглинная, Никитская, Страстной...
И Сретенский, где навсегда, пропащий, я
В обнимку на мозаиках с тобой!

О, любви волшебный дар

О, любви волшебный дар —
Поздней осенью цветы,
Яркой молнии удар
В лабиринтах темноты.
Я тебя не удержу —
Слишком много нужно сил.
Только глупое твержу:
– Чашу эту пронеси!
Сам же залпом осушить
Расписное серебро,
Петь, пьянеть, любить и жить
Я хочу всему назло.
На денёчек удержать
Птицу счастья хватит сил!
– От себя куда бежать? —
Голос внутренний спросил.
Ведь любовь – волшебный дар,
Поздней осенью цветы,
Яркой молнии удар
В лабиринтах темноты.
Только я себя сдержу.
Лишь на это хватит сил.
Слово горькое твержу:

– Чашу эту пронеси!

Липа на Воздвиженке

Липа на Воздвиженке вековая.
Осень у меня в окне золотая.
Дотянулся к липушке из-за туч
И целует кудри ей светлый луч.
И ласкает ей ветерок
Каждый золотой волосок.
Одного сегодня я не пойму —
Не целую я любимую почему?!
Брошу скучные дела поскорей
И уйду гулять в сон аллея.

Виртуальная любовь

Ни шляп, ни перьев, ни очей, ни стана...
Она меня, незримая, влечёт!
Идёт к тому, что в бездну за экраном
Остаток дней по проводу стечёт.

Куда б ни шло – влюбляются в картины
Иль в Галатею, как Пигмалион...
Но чтобы так вот – призрак паутины
Завлёт мужчину в нездоровый сон...

Наивные слова имеют силу
Лесного беззащитного цветка.
Но чую,мышь за снадобьем водила
Холодная умелая рука!

Что из того? Я тоже в рифмах дока.
Да будут дни и стих её легки!
А там глядишь, и два системных блока
Окажутся не так и далеки...

А там, глядишь, свои произведенья
Мы, как сердца, в одно соединим...
И повторится чудо воскрешенья.

И буду я бесплотен, но любим!

Признание

Люблю я Светлану Светланову!
Не знаю поэта нежней.
Вот если бы можно всё заново
Начать, то с единственной – с ней!

Ел кашу б её пригорелую,
Ласкал бы чумазых детей...
И вечность бы, вечность бы целую
Счастливейшим был из людей!

И в дождь, и в погоду хорошую
Не раз за собой замечал —
Ищу на неё я похожую.
Пока никого не встречал.

Ах, бедное сердце – не надо бы...
Тернист этот путь и непрост.
Но радуга, сочная радуга
Легла между нами, как мост!

Прости мне «материю низкую»,
Мой гений, преданье, мечта!
Родную, далёкую, близкую

Целую не в губы – в уста!

И только так!

Такого нет, не может быть,
чтоб вдруг Она
Была глупа, уродлива, больна...
Она прекрасна, как её творенья!
Поэту недостаточно уменя.
Наверняка умна, добра, красива,
Приветлива, надёжна, терпелива...
И у неё хорошая семья —
Достойный муж и в маму сыновья.
И только так! Я смею утверждать!
Любовь в стихи ещё откуда взять?!
А без любви поэзия мертва —
Докучный спам, ненужные слова.

Травинка, одолевшая гранит

Засушили, затоптали душу живую,
Не пробиться ей, ответа не найти!
Пляшут вздыбленные кони над обрывом
На краю Земли у Млечного пути.

Бьются души, словно в клетке-одиночке.
Магмой дух под коркой мёртвою кипит.
И, о, чудо, возникает в виде строчки,
Как травинка, одолевшая гранит.

Как чиста она, прекрасна и невинна
На экране и в сознании моём!
Я нашёл тебя, вторая половина!
Наконец-то мы останемся вдвоём.

Роза милая, бояться здесь не надо!
Спрячь шипы свои и разверни бутон.
Нам за ночи одиночества наградой
Будет звёздный виртуальный светлый сон.

Засушили, затоптали душу живую.
Не пробиться к ней, ответа не найти!
Только пляшут чудо-кони над обрывом,

Чтоб нести нас вдаль по Млечному пути.

Мы никогда не будем друг для друга

Дите Карелиной

Мы никогда не будем друг для друга
Ни болью, ни потерей, ни судьбой!
Не выйдем из очерченного круга,
Не окунёмся в омут с головой.
Тогда зачем же по ночам украдкой
Искать для Вас мне нежные слова?
Ведь ясно же – во рту не станет сладко,
Хоть сотни раз произноси «халва».
И всё ж в плену весенней заморочки,
Когда скворечню оживил скворец,
Мне грустно как-то, что у Вашей дочки
Не я биологический отец.

Мой секрет

Сегодня день с утра совсем не мой.
Куда б ни шёл – повсюду нас не ждали.
Да тут бы ангел возроптал любой,
А смертный – в пруд, и поминай как звали.

Но только я не плачу, не мечусь,
Мне все дела давно по барабану.
Я даже от досады не напьюсь
И на жену, как лев, рычать не стану.

Я в Интернет секрет свой прокричу
(Никто земной об этом не узнает):
– Когда привет в стихах я получу,
Он мне жену и водку заменяет!

Царствуй, бешеная моя!

Дите Карелиной

Будь поэтом! Будь! Будь!
И не прячься и не страшись!
Слову, ветру – лицо, грудь.
Без поэта – тоска, не жизнь!
Мир оправдан на сотню лет,
Если есть хоть один поэт!
Нежной песней земной любви
Души сонные жги, рви,
Ни обид, ни забот не тая,
Царствуй, Бешеная моя!
Даже если итог – крюк
И обряд наложенья рук...

Бешеная тчк моя

Дух свят витает где захочет,
Когда спускается с небес.
Но в Интернете между строчек
Гнездится только мелкий бес.
Засел, как вирус, в каждом бите
И искажает каждый лист.
Вы, если что, идите к Дите,
Она большой специалист
По лабиринтам виртуала.
Не всякий бешеный – поэт.
Таких нам явно не хватало.
Она нас выручит из бед,
Не всех, конечно, и не сразу
Дорогой верной поведёт.
И будет небо всё в алмазах!
И благодать к нам снизойдёт!

Бегущей по волнам

От Бегущей по волнам
жди беды!
Грациозна и легка,
вижу, ты.
Не пугают ни туманы,
ни глубь.
Хоть словечком приласкай,
приголубь.
Ты мила мне, не скажу —
Утони!
Будут светом пусть
наполнены дни.
Но на сердце – ураган.
Мне беда —
Потерять твои следы
навсегда!

Парки

Из зеркала молю побитый
Уныло таращится дед.
А рядом – пустое корыто:
Ни денег, ни славы, ни лет...

Зануда убогий, иди ты...
Открылся мне Новый Завет —
За ласку Светланы и Диты
Спасибо тебе, Интернет!

За верность и преданность мышки
Я тоже хвалу воздаю.
Мне с ними и камень – не крышка.
Я громче ещё запою!

Три парки сучат мою пряжу
В загадочном царстве Рунет.
Машину, как женщину, глажу,
Шепчу: «Не серчай, Интернет!»

Мы все покинем...

Мы все покинем и леса, и пашни.
Таков у смертных на Земле удел.
Лишь одного я – без вести пропавшим
На злой войне остаться б не хотел.

Мне, за Россию павшему, наверно,
Скостят грехи, и будет честь в раю.
Но я хотел бы, други, непременно
В победный день быть названным в строю.

Пусть знает сын, что в жирном чернозёме,
Который я убитый обниму,
Его отец, кореньев всяких кроме,
Живой травинкой тянется к нему.